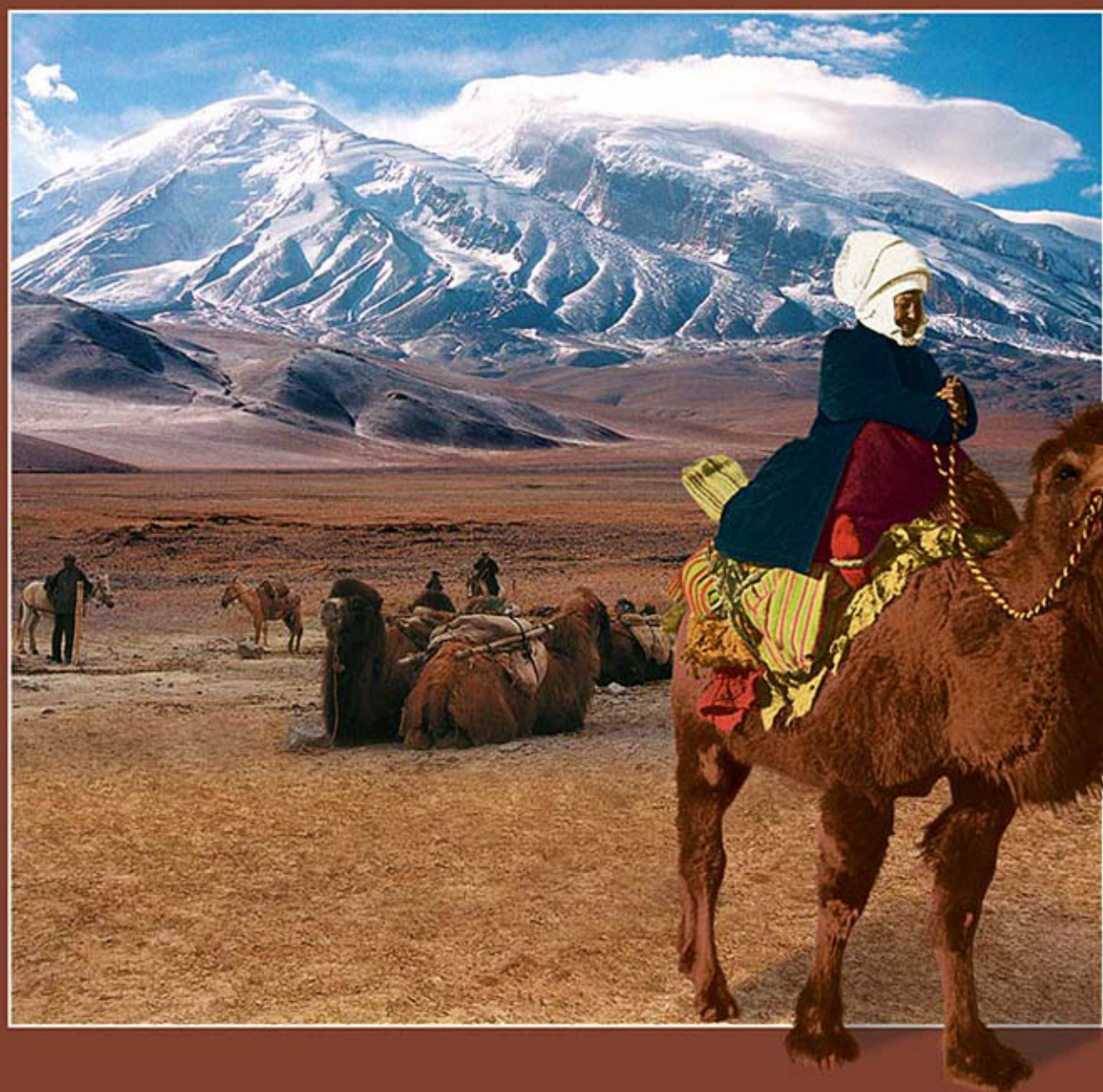

КЫРГЫЗСТАН

Традиции и обычаи киргизов

РАРИТЕТ

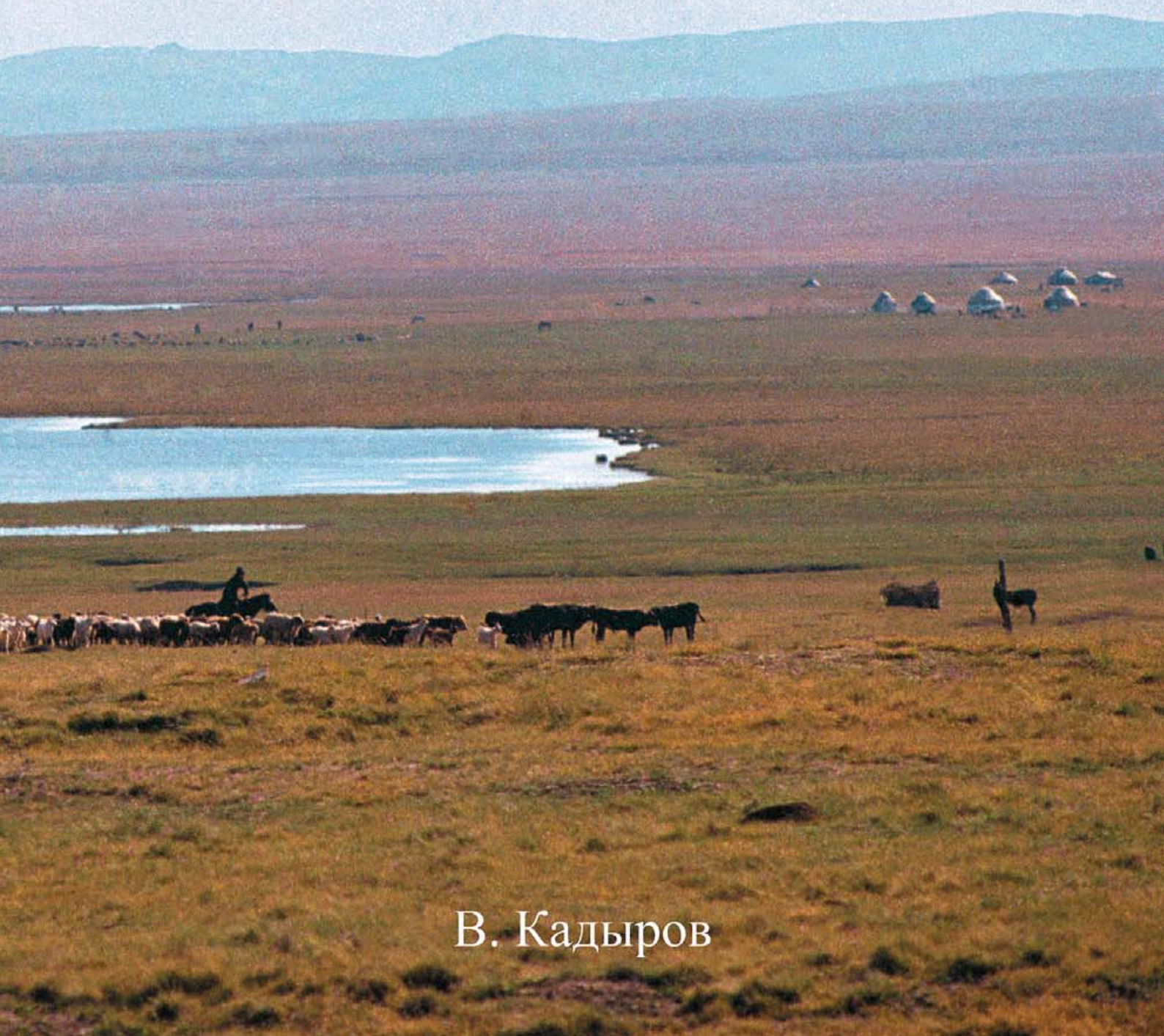

традиции
и
обычаи
киргизов

КЫРГЫЗСТАН

Традиции и обычаи киргизов

В. Кадыров

УДК 391/395
ББК 63.5
К 97

Текст: *В. Кадыров*
Научный редактор: *Б. Помазкин*
Редактор: *Л. Гарающенко*
Дизайн и верстка: *О. Кадырова*
Фото: *В. Кадыров*

К 97

Кыргызстан. Традиции и обычаи киргизов / Текст: В. Кадыров. —
Б.: Раритет, 2012. — 56 с.: ил.

ISBN 978—9967—455—00—9

В издании использованы: фотоматериалы из фонда Государственного архива Кыргызской Республики, картины художников В. Верецагина, Г. Хлудова, Т. Мусакеева и Э. Халмурзаева.

При работе над книгой использована литература: Ф. Фиельструп. Из обрядовой жизни киргизов; С. Абрамзон. Киргизы; А. Токтобай. Культ коня.

Это издание охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение или использование каким-либо иным путем любого текстового или иллюстрационного элемента этой книги без специального предварительного письменного разрешения издателя запрещено.

К 0505000000—12

УДК 391/395
ББК 63.5

Издательство «Раритет»
Кыргызская Республика,
г. Бишкек, ул. Трудовая, 16
Тел.: (+996 312) 64-49-02
Факс: (+996 312) 64-48-73
E-mail: rarity@ktnet.kg
www.books.kg

ISBN 978—9967—455—00—9

© «Раритет», 2012

Отпечатано в типографии «Турар»

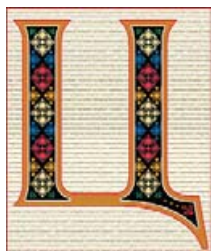
СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
Рождение ребенка.....	8
Семейные традиции.....	14
Свадьба.....	18
Обряды захоронения и поминания.....	24
Повседневная жизнь кочевника.....	30
Народный календарь.....	36
Магия и верования киргизов.....	38
Развлечения и игры.....	40
Юрта.....	44
Конь — крылья джигита.....	46
Одежда.....	48
Национальная кухня.....	52
Заключение.....	56

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия с незапамятных времен была излюбленным местом проживания различных племен кочевников. Забота о местах выпаса, смена времен года заставляли кочевников, подобно перелетным птицам, мигрировать вместе со своими семьями в поисках обильной пищи для своего единственного богатства — скота. В степях Казахстана племена кочевали на сотни километров вслед за убегающей на север весной. А в Тянь-Шане, чтобы найти жарким летом цветущий луг, достаточно было подняться на несколько километров вверх по ущелью, поближе к вечному царству ледников.

Эта земля словно была создана для жизни кочевников. Континентальный климат дарил ее жителям почти круглый год синее небо и яркое солнце. На солнечных южных склонах гор снега зимой практически не было. Кочевники Тянь-Шаня никогда не заготавливали сено на зиму — скот питался подножным кормом. А летом скот гнали на *джайлоо* — высокогорные пастбища.

Седой Тянь-Шань был домом для скифов-саков. Затем их сменили таинственные племена усуней, с военной силой которых считались даже грозные гунны. Малоснежные берега зимнего Иссык-Куля привлекали монгольских и калмыцких кочевников. Издревле по Центральному Тянь-Шаню кочевали и киргизские племена.

Жилище, утварь, одежда киргизов — все было приспособлено к кочевому образу жизни. Под его влиянием сложились и многовековые традиции жизненного уклада киргизского народа. Традиции по-

зволяли передавать накопленный тысячелетиями опыт новому поколению. Поэтому обряды выполнялись беспрекословно и нарушители устоев жестоко наказывались. Традиции давали кочевнику шанс выжить в суровом мире.

На территории, которую занимает сейчас Кыргызстан, жили разные народы. В долинах из века в век появлялись и исчезали города. Проходили несметные армии Александра Великого, Тамерлана и его внука Улугбека. Проносились орды монголов Чингисхана. За землю Тянь-Шаня сражались персы и арабы, китайцы и джунгары. Кокандские наместники строили здесь свои крепости. За присоединение этой территории к Российской империи проливали свою кровь русские солдаты. Но истинные хозяева Тянь-Шаня — киргизы неспешно кочевали по

склонам его хребтов вверх и вниз, подобно улетающим и прилетающим птицам, подобно восходу и заходу вечного солнца или неотвратимой смене времен года.

Неумолимое время заставило кочевников изменить свою жизнь — они осели в городах, и стремительно стала рушиться, казалось непоколебимая, скала обычаев.

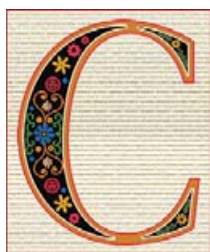
Некоторые из традиций и обычаев кочевых киргизских племен остались в далеком прошлом, сохранившись лишь в памяти народной (в преданиях и эпосах), другие в неизменном или же трансформированном виде продолжают бытовать среди киргизов и поныне.

Цель этой книги — раскрыть перед читателем все многообразие национальных обрядов и традиций, зародившихся еще в те далекие времена, когда киргизы были кочевниками.

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА

уровую жизнь кочевников сопровождала большая детская смертность, поэтому в патриархальной семье детей было много, так как глава семейства должен был заботиться о продолжении рода. Мужчина, не имеющий сына, становился глубоко несчастным человеком. Линия его рода обрывалась на нем! В эпосе «Манас» так описывается горе бездетного Джакыпа:

«Не имея ребенка, я похудел. Если бы хоть один мальчик бегал, просветлело бы мое сердце! Не имея верблюда, я согнулся, горько плача. Я хожу, сгибаясь».

Хан Кёкетей (герой этого же эпоса), не имея наследника, усыновляет Бокмуруна. Он говорит: «Даже если богатство человека так велико, что не может уместиться в мире — оно — ничто, если жена его не родит сына. После смерти этого человека весь его скот растащат дальние родственники».

Если жена кочевника не могла иметь детей или рождались только девочки, он мог взять себе вторую или третью жену.

Рождения ребенка ожидали с особым трепетом, строго выполняя все принятые обряды и ритуалы.

При начале родов в центре *юрты* (киргизское переносное жилище) забивали длинный кол, который символизировал «мировое дерево», помогающее родить и обеспечивающее благополучие живущим. Роженица, стоя на коленях, держалась за этот кол. Муж, при желании, мог помогать жене рожать. Он обхватывал ее сзади руками и надавливал на верхнюю часть живота. В это

время повитуха принимала роды: она придавала нужное положение ребенку и перерезала пуповину. Эту женщину называли *киндик-эне* — «мать-пупок». При появлении младенца на свет кто-нибудь из мужчин кричал: «*Азан!*» (призыв к молитве) и начинал читать суру из Корана. Одна из женщин, помогающая родам, ходила вокруг юрты и, постукивая ступкой о землю, приговаривала: «*Тюштюбю, тюштюбю?*» («Вышел ли, вышел ли?») Это была своеобразная магия, отгоняющая злых духов.

Новорожденный ребенок считался «нечистым», его могла касаться только *киндик-эне*, потому что она была земным воплощением *Умай-эне* (мать Умай) — покровительницы рожениц и младенцев. По поверьям киргизов-кочевников, это божество незримо присутствовало при родах, помогало родиться новорожденному и оберегало его до трех лет. Интересно, что и дух огня домашнего очага тоже назывался *Умай-эне*. А у древних тюрков название *умай* носил послед.

Киргизы считали, что существует связь между новорожденным и последом, поэтому послед либо закапывали в укромном месте, либо отдавали на съедение собакам. Последнее действие объясняется тем, что собака считалась тотемным существом. К тому же кочевники верили, что у женщины в этом случае будет много детей, как бывает у собаки. Обычно это делалось тогда, когда в семье дети не выживали.

Киндик-эне оставалась рядом с роженицей 2-3 ночи, чтобы защитить ее от нападения *албарсты* (демонического существа в образе старухи, которое пытается навре-

дить женщине и ее ребенку). Если роды были трудные или не выходил послед, то это тоже приписывали козням *албарсты*. Иногда для успешного разрешения родов в юрту вносили филина и заставляли его кричать — считалось, что *албарсты* боится его голоса.

Киндик-эне во время пира по случаю рождения ребенка получала в подарок шкуру зарезанного барана (шкура животного якобы обладала магическими свойствами) и самый почетный кусок мяса — грудину. *Киндик-эне* шила новорожденному рубашечку и *топу* — *тубетейку*.

Отрезанную пуповину родители хранили дома. Киргизы верили, что в ней пребывает часть души новорожденного ребенка. Пуповина была одним из символов *Умай-эне* (наряду с луком и стрелами, раковинной, бронзовой пуговицей, бараньими альчиками, веретеном), поэтому от сохранности пуповины зависела судьба и здоровье младенца.

Иногда пуповину зашивали в платье матери, чтобы облегчить последующие роды. Если рождалась девочка, то пуповину

Бронзовые пуговицы

Альчики

Джентек

закапывали у очага, веря, что благодаря этому девочка в будущем станет хорошей хозяйкой.

Появление на свет ребенка всегда было величайшей радостью для родителей. Тому, кто сообщил благую весть (*суююнчу*) о рождении младенца, отец дарил подарок. По случаю рождения нового члена семьи устраивалось специальное угощение для родственников и друзей. Оно называлось *джентек* и состояло из топленого масла (*карынмай*), хранившегося в бараньем желудке, или толокна с маслом и *курута* — высушенного соленого сыра и *боор-соков* — жареных кусочков теста.

Если ребенок родился недоношенным, то его держали в лисьей шапке (*тумак*), подвесив к верхушке деревянного каркаса юрты — *кереге*. Кормили младенца, не вынимая из шапки. При этом шапку с новорожденным подвешивали с правой стороны две-

АРХИВ

Если в семье не выживали мальчики, то родившегося сына одевали девочкой и оставляли боковые косы или чубы до 10—15 лет. Пучки волос делали мальчика похожим на девочку, чтобы его не сглазили. Сбривали волосы в каком-нибудь святом месте и приглашали для этого муллу или хаджу. Устраивали при этом той.

У девочек волосы стригли только до трех лет, потом оставляли их расти.

На фотографии трое маленьких ребят с обритыми головками: мальчик посередине с чубом на лбу (*кёкюль*), справа с чубом на лбу и двумя боковыми чубами (*нияз*), слева с боковыми чубами.

ри и каждый день передвигали на одну ячейку по направлению к левой стороне. Передвигали таким образом, чтобы к нужному сроку (девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут) шапка оказалась рядом с дверью. Тогда происходило «истинное рождение» ребенка и его вынимали из тумака. И только в этот день счастливые родители делали джентек.

Гости за показ ребенка делали небольшие подарки — *кёрюмдюк*.

В семье, где дети не выживали, совершали целый ряд магических действий для сохранения жизни ребенка. Например, отдавали новорожденного в многодетную семью с последующим выкупом родителями. Отдавали на 3, 7 или 40 дней, а иногда и на год. В этом случае джентек проводили приемные родители, сообщая всем, что у них родился младенец. При встречах родная мать спрашивала приемную: «Как здоровье вашего ребеночка?» При «покупке» ребенка родители должны были заплатить выкуп, состоящий из девяти предметов. Обычно это были недорогие вещи: *туткуч* (прихватки), *тавак* (блюдо), *орок* (серп), *бычак* (нож) и т.д., чтобы показать злым духам — покупка не стоит внимания.

Также существовали и другие способы защиты детей от злых духов. Первый раз младенца в бешик ложили, когда ему было три дня. Доверялось это только самой уважаемой пожилой женщине, которая протаскивала его под своим коленом, чтобы ребенок жил так же долго, как она.

Во время укладывания новорожденного старая женщина производила магические действия. Она садилась на колыбель вер-

АРХИВ

На третий день после рождения младенца помещали в люльку — *бешик*. Отец резал барана и приглашал гостей на *бешик-той*. Все желали благополучия и долгой жизни младенцу. Люльку окуривали арчой. Ребенка клала в колыбель пожилая женщина, за это она получала подарок от родителей.

хом и погоняла ее камчой, как бы давая понять злым духам, что это не младенец, а лошадь. По поверью, духи боялись всего, что связано с лошадьми, особенно камчи. Кроме того, старуха клала в бешик вместе с ребенком два альчика, по одному с каждого бока. Они являлись символами божества Умай-эне, которое должно было взять малыша под свою опеку. С этой же целью женщина бросала кусочки сала в огонь очага, который тоже был олицетворением Умай-эне.

Немаловажно было имянаречение. Ребенку давали нередко имя родственника, уже умершего, но прожившего много лет. Или, если в семье дети часто умирали, давали имена, означающие «Постой», «Остановись» и т.д. Например: Токтогул (Остановись раб), Токтосун

(Пусть остановится). Могли называть именем, дающим силу. Например: Таштурган (Стоящий камень), Омурбек (Полный жизни), Таштанбек (Твердый как камень), Бектемир (Твердый как железо). Чтобы обмануть злых духов, нарекали неблагозвучными именами, как бы умаляя важность ребенка для родителей. Это такие имена, как Асранкул (Приемный раб), Бокбасар (Наступающий на навоз), Тезекчи (Собирающий навоз). Часто младенца называли какой-нибудь вещью, чтобы он был незаметен среди прочих вещей.

Например: Туткуч (Прихватка), Тузбай (Человек-соль), Кийизбай (Человек-кошма), Итыбай (Человек-собака). Все эти и многие другие имена являлись заклинаниями, которые должны были защитить ребенка от воздействия злых сил.

Символ Умай-эне

На сороковой день родители новорожденного устраивали угощение по поводу ритуального мытья ребенка. В этот день с него снимали рубашечку, которую надевала на младенца киндик-эне после рождения и носившую название *ит кёйнёк* (собачья рубашка). Считалось, что собака, как тотемное существо, покровительствует младенцу и берет на себя все его болезни. Ребенку лили на голову сорок капель солевой воды — по числу прожитых им дней, надевали новую рубашку — *кырк кёйнёк* (сорокодневная рубашка). Рубашка должна была быть сшита из сорока локутов разной материи, которые мать ребенка выпрашивала, обходя соседние юрты. Эта рубаш-

Албарсты — демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего).

По преданию, голоса филина боятся злые духи, в том числе и албарсты. Считается, что на перьях филина записаны суры Корана.

Умай-эне — мифическое женское существо, охраняющее младенцев. Обычно представлялась в образе сказочной птицы, которая гнездится в воздухе.

Для защиты ребенка от злых духов применялся также оберег. Это был кончик хвоста яка или только что родившегося верблюжонка, пришивавшийся к одежде ребенка. Позже, когда киргизские племена приняли ислам, в качестве оберега стал выступать и свиток с сурой из Корана, помещенный в треугольный нагрудный амулет — *тумар*. Также надевали на ногу младенцу браслет и продевали в ухо серьгу, полагая, что злые духи боятся металлических предметов. Оберегом считалась и черная бусинка, которую носили на ниточке на руке, как браслет (*билерик*), или вдетую в сережку (*сёйкё*).

Тумар

Браслеты

Пугови-бусинки

ка своей пестротой отпугивала злых духов. При этом многодетный старик сбривал новорожденному волосы, за что родители ребенка дарили ему *чапан* (праздничный халат).

Считалось, что в этот день младенец переходит из мира животных в мир людей. Омовение было обрядом очищения младенца. Волосы, по представлениям кочевников, имели симпатическую связь с ребенком, поэтому их закапывали в укромном или святом месте, чтобы никто не мог навредить младенцу.

Когда ребенку исполнялся год и он начинал ходить, производилось символическое «разрезание пут» — *тушоо кесюю*. Праздник длился от одного до трех дней. Родители варили мясо, делали борсоки и приглашали гостей. Ребенку связывали ножки лентой и собирали семь или девять мальчиков. Их увозили за селение (*аил*) и пускали наперегонки. Кто при-

бегал первым, тот и разрезал пути ребенку и получал приз.

Большое значение придавалось мусульманскому обряду обрезания (*чочок кестирюу, сюннёт*). Ему подвергались мальчики в возрасте 3—7 лет, чаще — после исполнения пяти лет. В это время родители устраивали большой той со скачками, борьбой и другими играми.

В 3-4 года ребенка в первый раз сажали на лошадь с детским седлом — *айырмачем*. Мальчику давали *курджун* (переметная сумка), наполненный вареным мясом. Кто-нибудь из родственников садился на другую лошадь и, ведя на поводу лошадь ребенка, объезжал с ним окрестные юрты, давая каждому хозяину по куску мяса. Те, в ответ, дарили мальчику что-нибудь из конского снаряжения, так что, вернувшись домой, ребенок имел все необходимое для своего коня.

Базар в г. Ош. Продажа бейшиков

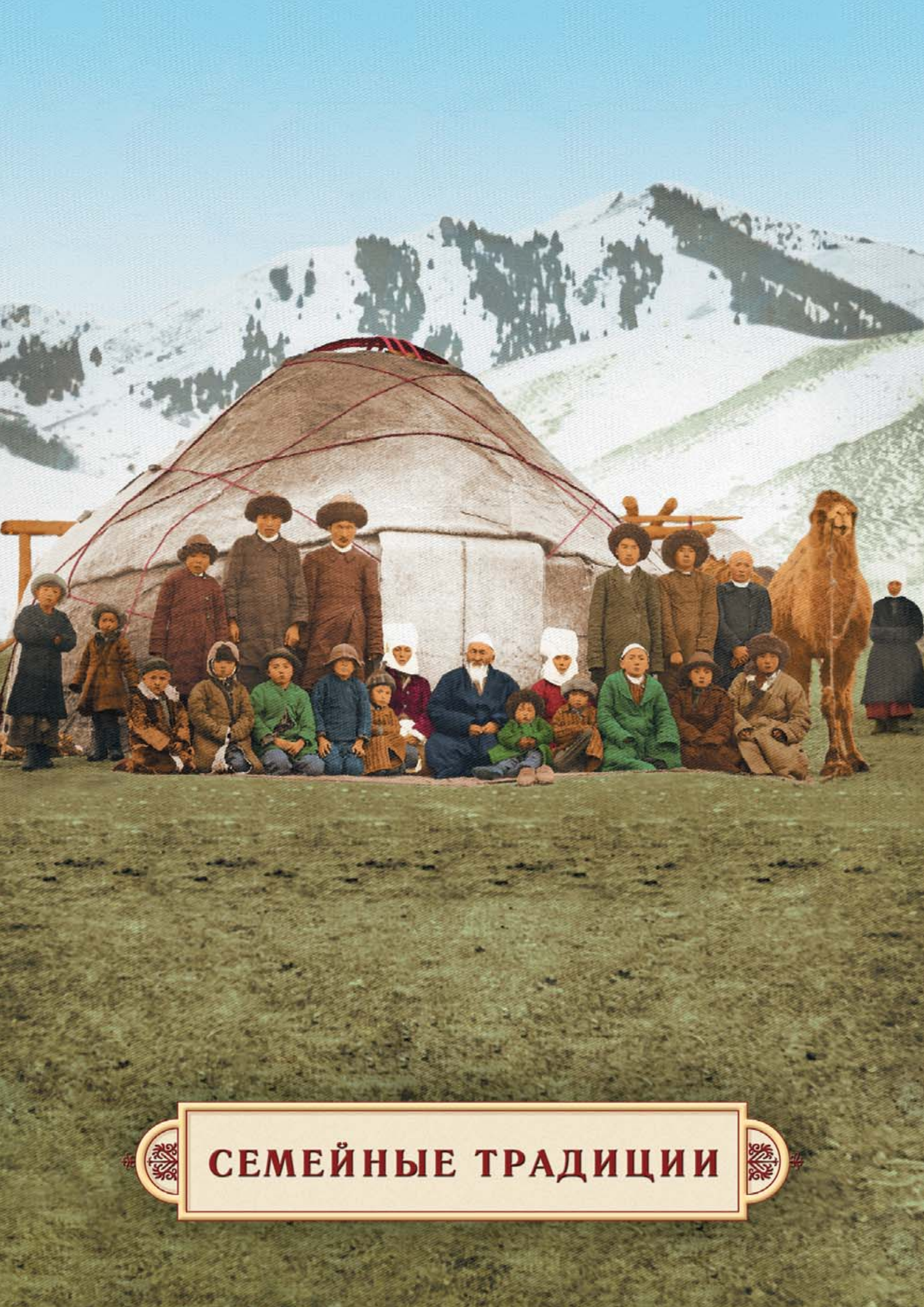
Разрезание пут

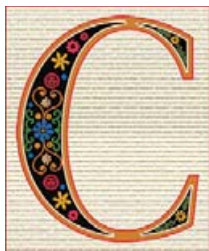
Курджун

Детское седло

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ

Семья кочевника была патриархальной, и, обычно, не менее трех поколений жили вместе. Отделившиеся сыновья и родственники составляли один аил или жили в соседних аилах. В большой семье главой являлся патриарх — *аксакал*, которого все называли отцом — *ата*. Даже внуки называли деда отцом, а своего настоящего отца — старшим братом, пока был жив дед. Старики пользовались беспрекословным авторитетом и являлись носителями народных традиций и культуры. Они давали советы по поводу тех или иных обычаев во время свадеб, похорон, повседневной жизни. Они передавали опыт, накопленный тысячами предыдущими поколениями. Аксакал — полновластный хозяин всего богатства семьи. А основная ценность для кочевника — это скот. Вещи для него не имели большой ценности. Поэтому существовала традиция, по которой гость мог забрать себе в подарок любую понравившуюся ему вещь. Это могли сделать и внуки, и замужняя дочь при посещении семьи патриарха, даже не спрашивая разрешения.

При отделении старшего сына только глава семьи мог определить его долю, и мнение аксакала не оспаривалось.

Иерархия семьи была видна во время совместной ежедневной трапезы. Все члены семьи рассаживались в строго установленном порядке, который каждый усваивал с детства и которому следовал без принуждения.

На почетном месте (*тёр*), напротив входа в юрту, сидел сам

аксакал. Справа от него находились сыновья согласно их возрасту. По левую руку от него была *байбиче* (старшая жена). Рядом с ней располагались дочери, затем садились снохи, в соответствии со старшинством своих мужей. Около котла находилась младшая жена аксакала, которая руководила раздачей пищи, и жена младшего сына, которая непосредственно выкладывала содержимое котла в большое деревянное блюдо (*чара*). Блюдо передавалось младшей жене, и она распределяла куски мяса по мень-

шим чашам (*табак*): одна — для аксакала, *байбиче*, старшего сына и дочерей главы семьи, другая — для остальных сыновей и их жен.

Аксакал обязательно оставлял часть пищи в своем *табаке* для снох. Эта доля называлась *табак тюп* и показывала доброжелательное отношение патриарха к своим снохам. Так же должны были поступать и гости. В противном случае недовольные снохи ворчали, что гости ненасытны, жадны, и давали им между собой обидные прозвища.

АРХИВ

Во время приема гостей хозяин освобождал свое место для самого почетного гостя. Остальные располагались справа на местах сыновей. Сам хозяин и *байбиче* садились слева от *тёра*, дочери перебирались в угол юрты, где лежали сложенные стопкой одежды. Остальные члены семьи садились в прежнем порядке, непоместившиеся уходили. Пищу из котла накладывал в этом случае младший совершеннолетний сын аксакала. Он передавал наполненную мясом чашу старшему брату, который распределял куски. В первую очередь по небольшому кусочку получали хозяин и хозяйка юрты, потом самые лучшие куски передавались гостям. Остатки распределялись между членами семьи. Часть мяса гости срезали ножами, иногда чисто символически, отдавая остатки младшим сыновьям хозяина и снохам для распределения между остальными присутствующими.

Многие работы по дому выполнялись совместно членами большой семьи, число которых иногда достигало 50 человек. Кочевники вели натуральное хозяйство, поэтому практически все вещи и утварь производились в семье. Многие работы производились коллективно, как, например, изготовление материи, ковров, шитье одежды, производство войлока и изделий из него. Всеми работами руководила старшая жена аксакала. Она обучала управлению хозяйством и домашним работам младших жен мужа, дочерей, снох и внуков. Ослушаться байбиче или возражать ей считалось недопустимым, сама она подчинялась только своему мужу.

Традиция распределения мяса во время трапезы сохранилась у киргизов до наших дней. Кости с мясом называются *устукан*, и самой почетной обычно считается *джамбаш* — подвздошная тазовая кость, которая дается старшему гостю. В некоторых районах Кыргызстана голова барана также преподносится почетному гостю. Потом следует *джото джилик* — берцовая кость, за ней *каш-ка джилик* — бедренная кость, далее *кар джилик* — лучевая, *далы* — лопатка и, наконец, распределяются *карчыга* — ребра. *Куйрук* (копчик) — самый почетный устукан для старшей женщины.

Кочевники, жившие обособленными аилами, относились к нежданному посетителю как к гостю от Бога (*Кудай конок*) и всегда держали запас провизии для радужного приема. Гость был источником новостей. Кроме того,

хозяин заботился о безопасности своей семьи — радушие при приеме путника обеспечивало кочевнику добрососедские отношения с другими племенами и народами. В то же время традиции гостеприимства позволяли людям путешествовать на значительные расстояния, не заботясь о крове и пропитании.

Семья и род, в отсутствии сильного государства, были единственной опорой и защитой кочевника. Богатый родственник обя-

АРХИВ

Семья памирского киргиза

Иссык-кульские киргизы

зан был наделить скотом бедного для выплаты *калыма* при свадьбе. Должен был усыновлять оставшихся сиротами детей из рода. Давал скот в займы бедным во время голода. Обычно самых мудрых, заботящихся о благосостоянии всего рода богатых людей народ выбирал *манапами* — правителями рода. Каждый член рода должен был подчиняться указаниям манапа. Особенно это касалось коллективных работ и военных действий.

СВАДЬБА

енить ба в патриархальных семьях кочевников происходила

только с согласия родителей. За невесту отец жениха должен был уплачивать *калым*. Размеры его были значительными. Так, например, в начале XX века в Иссык-Кульской области *чон бай* (богатый калым) составлял 100 голов крупного скота (лошади, коровы, верблюды), которых считали девятками (*тогуз*), и 1000 баранов. Средний калым — *орто* насчитывал 50 голов крупного скота и 100 баранов. *Айак*, или бедный калым — 25 голов крупного скота и 50 баранов.

В эпосе «Манас» Атемир просит за свою дочь у Джакыпа, отца Манаса, калым в 500 лошадей, 60 верблюдов, 200 коров, 2000 баранов и 40 тысяч деньгами.

Калым в древности уплачивался не только отцом жениха, но и всем его родом. Девушка переходила в их род, родившиеся у нее дети становились членами патриархальной семьи мужа. Род невесты терял человека, но получал за это компенсацию.

В эпосе «Манас» рассказывает о том, как каждый киргиз, узнав о требуемом Атемиром выкупе, предлагал Манасу свой скот. «...Когда берут жену, во время сватовства, от родственников помощь брать — обычай остался нам». Даже взяв понемногу у всех, герой дает гигантский выкуп: 3000 лошадей, 900 коров, 300 верблюдов и 30000 овец.

Тайный увоз невесты практиковался крайне редко и не одобрялся. Если невеста нарушала договор сватовства и отказывалась выйти замуж или убегала с другим муж-

чиной, родители невесты должны были заплатить большой штраф. Известен случай, когда родители невесты отдали оскорбленному жениху 6 верблюдов, 60 лошадей, 60 чапанов, 60 баранов и 60 рублей. Кроме того, мужчина, с которым убежала невеста, отдал судьям 27 лошадей и 3 верблюдов, иначе его бы убили.

Широко распространена была практика сватания еще не родившихся детей — *бел куда* (*бел* — поясница, *куда* — сват) или только родившихся — *бешик куда*.

При таком стоворе родители могли отказаться от уплаты калыма или выплачивать его частями до совершеннолетия детей. Герой киргизского эпоса — Манас тоже сватает своего сына Семетея за Айчурек, дочь афганского хана Акуна, еще до их появления на свет.

Сватовством занимался отец

будущего жениха. Обычно он посылал доверенных людей — *арачи* для сбора информации о семьях, в которых есть предполагаемые невесты. Сбор информации начинался буквально со времени рождения сына. После выбора невесты отец мальчика посылал своего человека — *джуучу* к отцу выбранной девочки узнать о его согласии. В случае положительного ответа происходило непосредственно само сватовство.

Взяв в качестве подарка скот и мясо, отец жениха со сватами приезжал к отцу невесты. Отец девочки, в свою очередь, резал для гостей барана и дарил каждому по халату. Согласно обычаю, отец жениха спрашивал у отца девочки ее имя и передавал ему лошадь. А тот просил сказать ему имя мальчика и дарил за это парчовый халат.

АРХИВ

Отец мальчика, взяв с собой 10—12 близких родственников-мужчин, ехал в аил отца невесты. С собой он брал две или три девятки голов крупного скота, среди которого обязательно должна была быть одна хорошая лошадь. На нее навьючивали переметные сумы — курджуны с вареным мясом двух крупных баранов. На лоб лошади привязывали кусочек ваты — чтобы отношения между отцами обоих детей были хорошими, мягкими.

В последующие визиты сваты так же обменивались дарами: со стороны жениха дарили скот, со стороны невесты — одежду.

Если при кочевке аил жениха проходил мимо аила невесты, то уплачивался *кочкой* (*коч* — кочевка, *кой* — овца). Родственники невесты могли выбрать себе любую скотину из стада жениха и выловить ее. Если добыча была ценная, то отец жениха мог обменять ее на жеребенка-однолетку (*тай*) и взамен получить чапан. Удержанный скот поступал в распоряжение отца невесты, который резал своего барана и угощал свой аил.

Когда мальчику исполнилось 14-15 лет, он мог посещать свою невесту. Обычно жених приезжал вместе со своими товарищами. Для него ставили специальную юрту. Там его угощали, а вечером тетки невесты, предварительно испросив разрешения у ее матери, вели девушку на вечеринку — *кыз ойун* — в юрту жениха. За привод девушки с жениха они требовали плату — *дженгетайлык* (лошадь, материю или 100 рублей).

В юрте собиралась вся моло-

дежь аила. Кому не хватало места внутри, сидел снаружи. Жених и невеста сидели рядом, наблюдая за действием. Один из парней вставал и пел песню, в которой восхвалял красоту девушки, не называя ее имени. Потом, свернув платок жгутом, бросал его одной из присутствующих. Та, схватив его, принималась хлестать парня. После этого они становились спиной друг к другу и, полюбовернувшись, целовались то с одной стороны, то с другой. Потом девушка пела песню и бросала платок другому парню, и они тоже целовались. Эта игра продолжалась до утра. За это время участники один раз просили жениха и невесту познакомиться. Их выводили на середину юрты и заставляли целоваться. При этом все тоже целовались.

Такие вечеринки проводились при каждом посещении жениха. По обычаю, он должен был избегать встреч с родителями невесты. Считалось, что они «не знают» о посещениях жениха.

Жених и невеста становились мужем и женой после проведе-

ния специального обряда — *такыя сайды* (снятие девичьей шапочки) или *уйджаны*, что значит «возле юрты». Жених приходил к юрте невесты с длинной палкой или *ууком* (купольная жердь юрты). К концу палки привязывался платок с монетами. Жених просовывал палку между *кошмами* внутри юрты. Невеста сидела за занавеской — *кёшөгө*. Жених должен был трижды сдвинуть шапочку невесты (*такыя*) с помощью уука, спрашивая женщин, находящихся внутри юрты: «Онбы, солбы?» («Вправо или влево?»). При этом женщины трижды срывали привязанный к концу палки платок с деньгами.

В древности обряд бракосочетания происходил следующим образом: жених и невеста брались за концы одного прута, и у них спрашивали, согласны ли они стать мужем и женой. После этого прут ломали пополам и бросали концы в разные стороны. Так происходило заключение и других договоров.

После обряда *такыя сайды* у молодоженов была брачная ночь. Но допускались и добрачные отношения между женихом и невестой. Жених мог навещать невесту, жить у нее по несколько дней до проведения свадебного пира, который устраивали родители невесты. Накануне праздника со-

АРХИВ

АРХИВ

вершались многочисленные обрядовые действия.

Гостей обсыпали мукой, обрызгивали молоком и айраном. Жениха и невесту связывали веревкой для прочности уз, похлопывали их легкими специально зарезанного козленка или барана.

Мусульманский обряд бракосочетания — *нике* заключался в том, что мулла читал молитву и давал всем испить из чаши «венчальную воду». На обозрение присутствующих выставлялось напоказ приданое невесты, развешенное на длинных арканах. Жених и

невеста переодевались в новые одежды. Невесте расплетали многочисленные косички, которые носили девушки, и заплетали волосы в две косы.

Молодожены приходили в юрту, где сидели их родители, чтобы получить благословение — *бата*. Перед входом в юрту расстилался платок. Считалось, что руководить всем в семье будет тот из молодоженов, кто первым наступит на платок.

Свадьба сопровождалась многочисленными играми, песнями, скачками и состязаниями. После свадьбы жених увозил невесту в свой аил. Но девушка могла оставаться в доме своих родителей до шести месяцев, в таком случае молодой муж систематически навещал ее, приезжая на 15—20 дней.

Отъезд новобрачной из родительского дома сопровождался рядом своеобразных церемоний. Например, все женщины аила, прощаясь с девушкой, поочередно пели с ней жалобную песню — *кошок*. Делали они это, накрываясь поочередно с уезжающей чапаном. Отправляясь в дом мужа, девушка надевала богатые украшения, красиво отделанную шапочку — *шёкюлө*, на руки — черные бархатные перчатки. Вся эта одежда по приезду в аил мужа снималась и хранилась до следующей свадьбы — свадьбы будущей дочери. Шапочку шёкюлө сменял белый тюрбан — *элечек*, головной убор замужней женщины.

Когда девушка приближалась к аилу мужа, ее в степи встречали женщины. Они натягивали арканы на пути молодой жены и требовали выкуп за проход. Девушка сходи-

ла с лошади и шла до аила пешком, откупаясь припасенными кольцами. Муж в это время спешил в село и ставил юрту, подаренную отцом жены. Когда девушка подходила к юрте, там ее уже ждала свекровь со сладостями, которые она рассыпала под ноги невестке.

АРХИВ

Ансамбль киргизских музыкантов, XIX век

Огонь в своей юрте молодожены должны были развести сами, а не брать его из других юрт.

До свадебного пира в аиле мужа новобрачная скрывалась от мужчин у себя в юрте за занавеской. По верованию киргизов, девушка, уехав из родного дома, теряла защиту духов предков и домашнего очага, поэтому была беззащитна перед сглазом и влиянием злых духов.

При первом посещении юрты свекра молодая женщина скрывала лицо за покрывалом. У входа ее встречала свекровь, которая мазала ей руку кусочком сала и бросала затем его в огонь в жертву *Умай-эне*. Это действие давало молодой женщине покровительство духов домашнего очага и рода мужа. Входя в юрту, невестка кланялась. Сопровождающие ее девушки приподнимали покрывало, чтобы родня мужа могла посмотреть на ее лицо. Свекор усаживал невестку вместе со всеми и передавал ей грудинку барана. После этого она уже могла беспрепятственно посещать юрту

родителей мужа. Теперь молодая женщина могла не скрывать своего лица. Ее уже охраняли духи рода мужа.

Отец мужа организовывал свадебный пир у себя в селении для всей своей родни. Он же наделял невестку долей имущества — *энчи* и назначал посаженных родителей — *окул ата* и *окул апа* (посаженные отец и мать).

После свадьбы каждый родственник мужа, живущий отдельной семьей, приглашал молодоженов в гости. При первом посещении хозяин обязательно дарил подарок молодым, и отныне молодая женщина могла беспрепятственно навещать дом нового родственника.

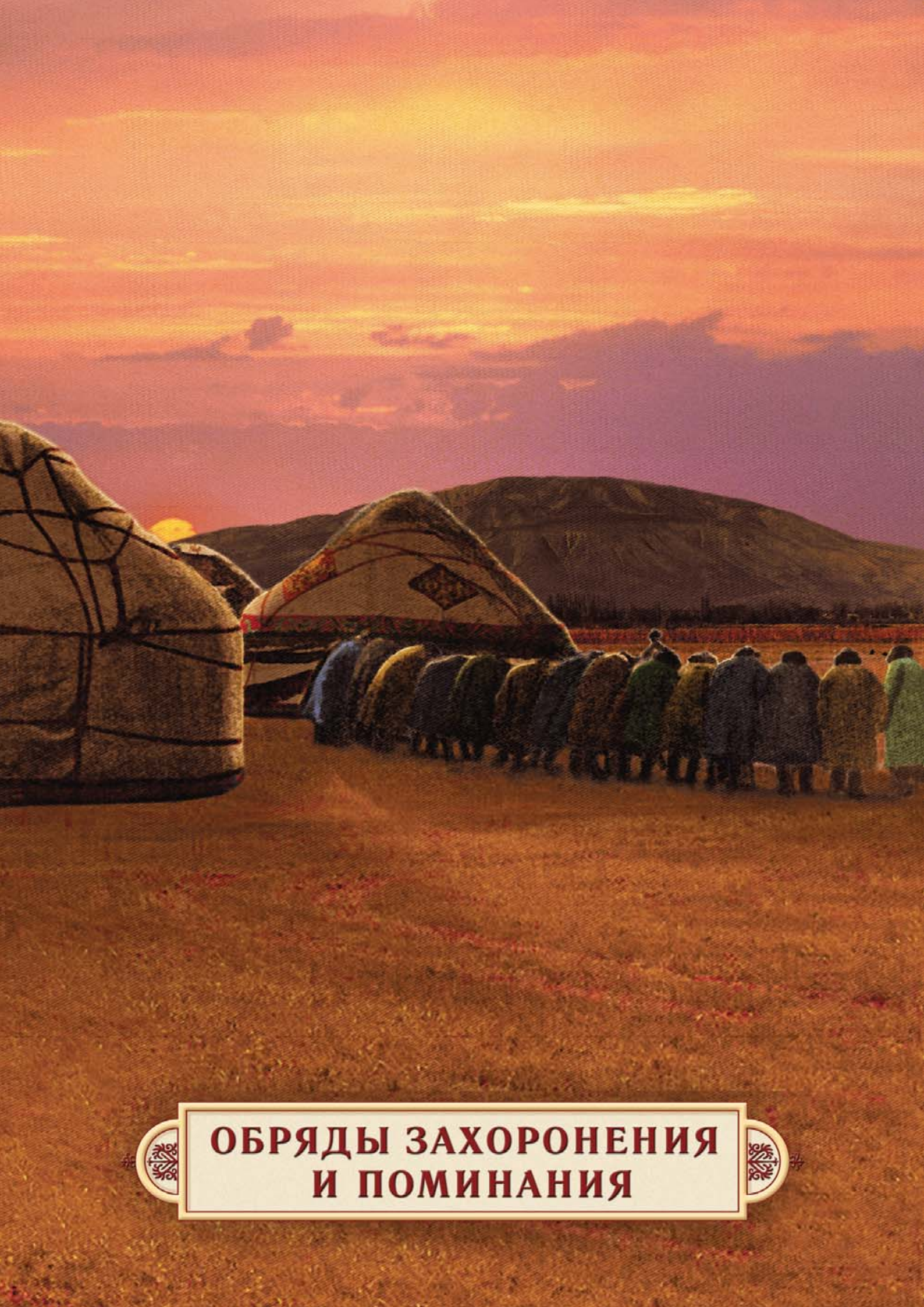
По истечении некоторого времени молодая жена обязательно навещала родительский дом (*тёркун*), в котором жила от одного до трех месяцев, а иногда и до года.

Брак мог быть расторгнут, если мужчина произносил: «*Та-*

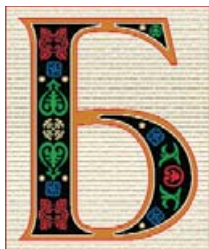
лак!» («Развод!»). В этом случае разведенные могли вновь сойтись, когда пожелают. Если же муж говорил: «*Уч талак*» (тройной развод), то сойтись вновь они могли только после того, как женщина побывает в браке с другим мужчиной не менее трех месяцев.

В случае смерти посватанной невесты или жены мужчины должен был жениться на ее младшей сестре. Если же умирал муж, то на вдове должен был жениться брат умершего.

**ОБРЯДЫ ЗАХОРОНЕНИЯ
И ПОМИНАНИЯ**

ольшое значение придавали кочевые народы организации похорон умершего человека. У киргизов существовал целый комплекс обрядов, связанных с их мистическими, религиозными представлениями и с многовековыми традициями. Имелись различия в обрядах, совершавшихся в случае смерти мужчины или женщины, старого или молодого человека, ребенка. Наибольшее количество обрядов проводилось, когда умирал почтенный аксакал. Если умирал ребенок, то поминки могли и не делать.

Весть о кончине человека гонцы разносили по всем знакомым и родственникам умершего. Каждый обязан был проститься с ним и отдать ему последний долг.

Вот как описываются похороны хана Кёкётея, сподвижника Манаса: «...сын бая Бокмурун, возглавив плачущих мужчин, склонившись, плакал, причитал: «Не седлал я еще коня, уважения людей не заслужил! Несмышленый я еще, отец мой из этого мира ушел. Видно, беспечно я жил. В горе пребываю теперь, в огорчении! Ты, отец, мертвый лежишь, а я, юный, с тобой разлучен...» — громко рыдал Бокмурун. С многочисленным народом киргизов, громко стеная, прибыл Манас. Заголосили восемьдесят тысяч человек, подняли шум. И весь народ громко запричитал. Обычай оплакивать покойного с причитаниями у народов казахов и киргизов остался с тех пор...»

Родственники и друзья обязаны были привезти семье покойного деньги и скот для организации похорон. Приезжающих

тоже наделяли подарками: аксакалов, приславших скот — деньгами, женщин — кусками белой, черной или красной материи — *джыртмыш*. Это делалось, когда умирал взрослый.

Обязательно читался Коран.

Покойного обмывали и одевали в саван — *кепин*. Сверху завертывали в белый войлок, который снимался при погребении. Тело покойного клали на носилки, покрывавшиеся материей.

При выносе тела из юрты носилки с умершим ставили на чистое место и совершали молитву — *джаназа*, после которой мулла спрашивал присутствующих: «Хорошим ли человеком был умерший?» Ему отвечали: «Хорошим!» Мулла спрашивал: «Кто ответит за его долги?» Наследник выходил вперед и говорил: «Я!» Мулла вновь обращался к народу, не должен ли кому-нибудь умерший человек.

Если не было претензий, мулла разрешал нести носилки дальше. Женщины не принимали участия в похоронной процессии. Мужчины несли носилки, не останавливаясь. Смена происходила на ходу.

На обратном пути, когда мужчины подходили к дому, они вновь голосили, а женщины в юрте в ответ начинали причитать.

Существовал обычай хоронить человека в той местности, где он родился. Если смерть настигала его вдали от родины, могли похоронить и там. Но позже, даже через несколько лет, родственники обязательно приезжали и забирали останки для перезахоронения. Если человек умирал в пути, его тело оборачивали тканью, привязывали к лошади и везли домой — хоронить на земле отцов.

Кошок — песню-плач вдова исполняла каждое утро в течение года до проведения поминок — *аш*. Весь этот период она

АРХИВ

Покойника помещали в юрте, рядом с ним находились женщины, оплакивающие потерю. Приезжающие мужчины выкрикивали слова стенаний — *ёкюрюк*, плача и прощаясь с покойным, стоя в полусогнутой позе за юртой. Им вторили женщины в юрте.

не ходила на праздники и в присутствии посторонних в юрте сидела отвернувшись или за кёшөгё. Вдова не носила элечека, а наде-

Вдова

вала только платок — *джоолук*. Волосы ее были распущены. Женщина как бы находилась вне мира живых. До проведения годовщины смерти она принадлежала духу умершего мужа. Цвет одежды вдовы был черный, если муж был пожилым. Красным — если молодым. Платок мог быть белым у вдовы, чей муж был старше 50 лет, если младше — то красным или черным.

Если умирал глава семьи, то через 40 дней после его смерти, когда, по убеждениям киргизов, душа покидала землю, в юрте ставили *тул* — шест, на который надевалась лучшая одежда покойного. Это должно было напоминать о хозяине юрты до проведения аша. К углу, где находилось это подобие «хозяина», подходили с почтением. Во время перекочевков *тул* приторачивали к седлу лучшей лошади бывшего хозяина. На 7—10 день после проведения годовщины *тул* убирали, а коня резали в день чон аша.

Юрту, в которой умер хозя-

ин, было видно издалека. Сквозь кошму купола юрты устанавливали копье или шест с прикрепленными к концу хвостом яка и куском белой материи (*джелек*). Этот знак стоял год до проведения аша. Во время кочевки юноша вез копье с джелеком впереди. Ехавшие следом женщины плакали и причитали кошек.

Поминовение совершалось на третий, седьмой, сороковой дни и в годовщину смерти.

Проведению поминок в годовщину смерти почтенного и уважаемого человека кочевники придавали исключительно важное значение. Загодя собирался совет старейшин, на котором решались вопросы, связанные с проведением аша: кого пригласить, сколько и кто должен дать скота, где разместить гостей, какие призы выделить на проведение состязаний. Аш мог продолжаться около недели, и каждый день имел свое значение.

В первый день гости съезжались на *кемегесин чабыш* — скач-

ки на расстояние в 15—20 километров, которые устраивались по поводу рытья очагов для праздничных котлов. Выступали также борцы *кюрёш* (национальный вид

АРХИВ

борьбы), борцы на лошадях (*оодарыш*) и батыры, сражавшиеся на пиках (*эр сайыш*).

Во второй день соревновались в стрельбе по *джамбы* (слиток серебра). Слиток привязывали к шесту за три нити. Джигиты пытались сбить джамбы стрелами или пулями на полном скаку. Победитель получал слиток в награду.

В этот день угощали всех го-

стей. Вечером устраивалась борьба сильнейших борцов (*палван*). Победители получали в награду скот от родственников покойного.

На третий день проводились скачки иноходцев. Эти скачки организовывали друзья умершего. Призы обычно устанавливались небольшие.

На четвертый день объявляли большую *байгу* для гостей — скачки, в которых участвовали

взрослые лошади. Дистанция 40—50 км. Победителям давали призы: 25, 15 и 9 лошадей за первые три места.

В пятый и шестой день проходили незначительные скачки трех-четырёхлетних лошадей. Все с нетерпением ждали седьмого дня, когда проходили главные скачки на большое расстояние — 80—100 км. В награду давали скот. Призов обычно было 15, но основная часть скота приходилась на первое место. Поэтому участники скачек ожесточенно боролись за первенство.

Жокеями были мальчики —

Козлодрание

для облегчения лошади. Допускалось помогать скакуну на дистанции. Для этого хозяин лошади на половине дороги ставил несколько верховых, которые, выждав свою лошадь, подхватывали ее в поводу и, сняв на всем скаку мальчика-жокея, гнали лошадь без седока. Если им попадалась чужая лошадь без сопровождения джигитов, они пытались задержать ее и сбить седока. Бывали случаи и гибели мальчиков.

В этой скачке многие лошади погибали, не выдерживая бешеного темпа, до финиша доходили только лучшие. Но и они приходили к финишу еле-еле, изможденные упорной борьбой. Некоторые всадники шли пешком, погоняя лошадей, лишь бы лошадь добрела до финиша. Было принято давать приз даже в том случае, если на финиш привозили голову погибшей лошади.

При проведении аша все дни шли состязания по конной и пешей борьбе. Проводилось *кёк-бёрю* (козлодрание). Были и шуточные состязания, например,

борьба лысых — *таз сюзюштюргён*, когда участники с разгона стукались лбами. Или *ит тартыш* — перетягивание аркана, привязанного к шеям двух стоящих на четвереньках борцов. Проходили и женские турниры на пиках, вызывавшие громкий смех и хохот зрителей. Были и соревнования певцов — *айтыш*.

На эти и многие другие игры и состязания наследники могли истратить все свое состояние, лишь бы воздать честь своему отцу.

После проведения аша вдова могла опять заплести свои волосы в косы, снять траур. Она как бы

Сагана

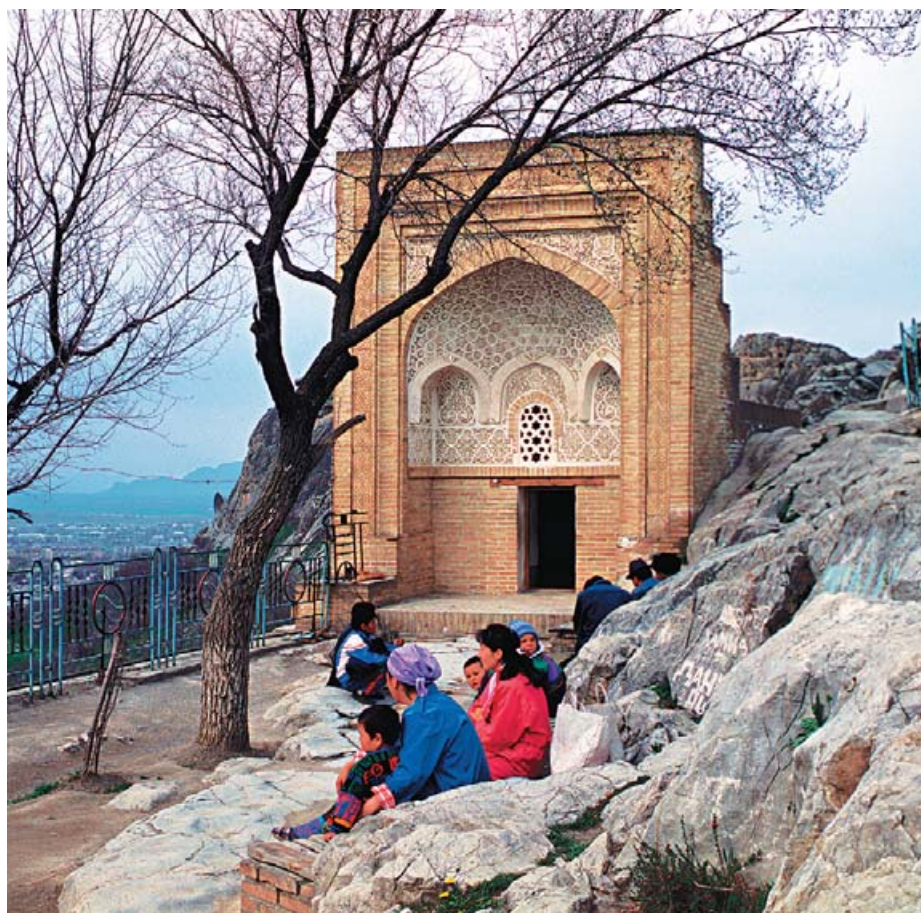
возвращалась в мир живых людей. По обычаю, на ней должен был жениться брат мужа.

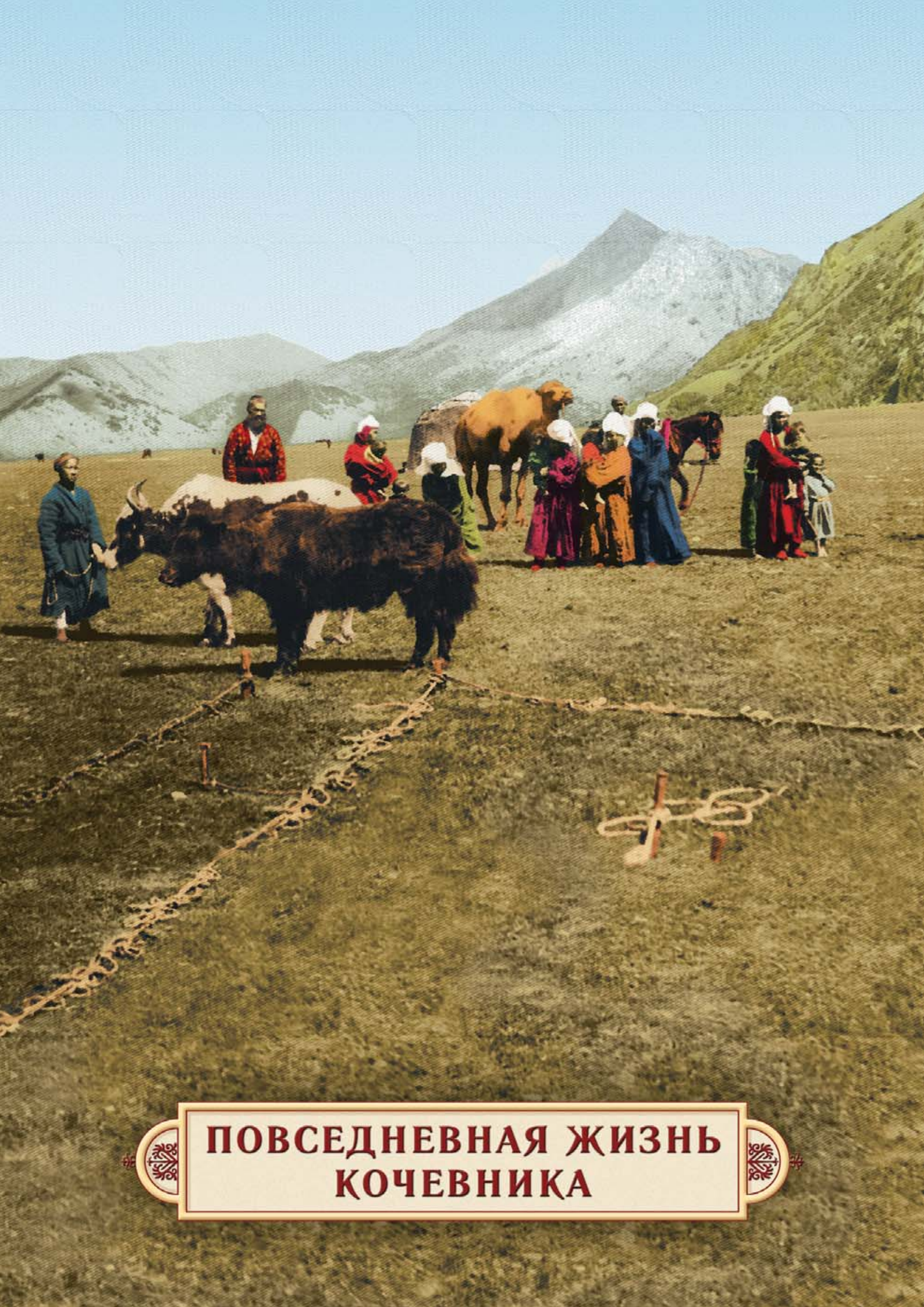
В честь покойного строили караван-сарай или рыли колодезь для общего пользования. На месте захоронения воздвигали *гумбез* или другое архитектурное сооружение, соответствующее положению покойника. Гумбез — купольное здание, обычно с высоким порталом и колоннами. Сооружались также оградки и пирамидки — *сагана* — различных видов. Чем знатнее и известнее был умерший, тем красивее строился гумбез. Наиболее известны гумбезы (мавзолеи) Караханидов в Узгене, Шах-Фазиля в Сафид-Булуне, Идриса Пайгамбара в Чаткале, Тайлака-батыра в Ак-Тале, Манаса в Таласе.

В культовых сооружениях заметно влияние мусульманских традиций. Это — купола, порталы, колонны, растительные и геометрические узоры орнаментов.

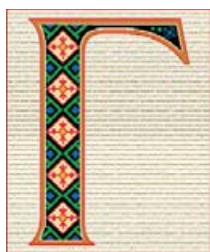
Часто места захоронения выдающихся людей становились объектами поклонения и местами со-

вершения молитв. Кочевники не строили мечетей. Но, согласно одному из течений суфизма, распространённому в степи, к Аллаху можно было обращаться с любой могилы праведника, ибо тот был обласкан вниманием Всевышнего.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЧЕВНИКА**

Главным занятием киргизов в течение многих веков было скотоводство. Климатические условия

Тянь-Шаня позволяли кочевникам содержать здесь скот круглый год на подножном корму. Киргизы просто перекочевывали с одного уголья на другое: летом они поднимались на высокогорные пастбища (*джайлоо*), а осенью спускались вниз на зимние пастбища (*кыштоо*).

Выезд на кочевье после суровой зимы превращался в праздник. Все надевали лучшую одежду, лошадей покрывали расшитыми чепраками и попонами. Навьюченный на верблюдов и лошадей скarb покрывали коврами, наиболее дорогие вещи, яркие сундуки, самовары и др. предметы домашнего обихода привязывали сверху. Впереди каравана обычно ехала самая красивая молодая женщина в дорогах украшениях. Сбруи лошадей были украшены серебряными узорами и разноцветными эмальями, головы и шеи верблюдов украшались орнаментированными ткаными полосами.

Если такой караван проходил мимо какого-либо аила, то его жители, согласно обычаю, предлагали кочующим угощение: *кумыс*, *айран* или *джарму*.

Первый прикочевавший на *джайлоо* род готовил угощение — *ёрюлюк* для следующего аила.

Киргизы верили, что существуют святые покровители животных. *Чолпон-ата* охранял овец, *Занги-ата* — рогатый скот, *Камбар-ата* защищал лошадей, *Ойсул-ата* покровительствовал верблюдам. *Баабедин* помогал не только животным, но и людям.

Уходя со стоянки осенью вниз, кочевники совершали ряд магических действий, чтобы благополучно вернуться обратно через год. В ямки от кольшкков, к которым прикрепляли *джеле* — веревку для привязи жеребят, покидающие *джайлоо* кочевники наливали айран, кумыс или топленое сало. Уезжая, бросали в очаг кусочек сала для духа огня.

При рождении теленка первое молоко, полученное от коровы, хозяева кипятили в казане. Первую ложку молока лили в огонь для духа очага, небольшим коли-

чеством мазали теленка, приговаривая заклинание: «Теля, теля! Впереди не ходи — волк съест, позади не ходи — вор украдет. Держись середины, теля, теля». Оставшееся молоко выпивали приглашенные, предварительно помолившись, чтобы теленок рос здоровым.

Появление на свет верблюжонка для хозяина было большой радостью. За одну только весть (суйюнчю) полагался подарок (так же, как и за весть о рождении ребенка). Хозяева резали барана, созывали гостей и делали угощение — *джен-тек*. Приглашенные несли хозяевам *кёрюмдюк* — небольшие подарки, как и при рождении ребенка.

Верблюжонку продевали в уши и ноздри нитки с голубыми или

пестрыми бусами. На шею вешали амулет, перья филина. Все это должно было оградить его от сглаза и злых духов.

Кончик хвоста верблюжонка отрезали и пришивали сзади на чапан ребенка. Это охраняло малыша от всяких напастей.

Верблюдицу украшали серебряной уздой, голову покрывали белым платком или даже элечком. На спину клали самый красивый ковер. Чтобы верблюжонка не болел, совершали обряд *аластау*, обводя вокруг его головы тлеющей веткой арчи. Верблюдицу и малыша покрывали войлочными чехлами — попонами. Нельзя было первые три дня проходить между матерью и верблюжонком, иначе, по поверью, она не станет кормить его молоком.

Днем стада пасли мужчины —

чабаны и табунщики, а ночью охрана животных возлагалась на девушек и молодых женщин. Коротая время, они пели *бекбекей* — песню, которая должна была отпугивать не только волков, но и злых духов.

В киргизском языке имеется огромное количество терминов для обозначения домашнего скота. По названию животного можно было сразу определить его возраст и пол, что очень важно для кочевника-скотовода. Например, *сейнек* — двухлетняя козочка, *дёнён* или *бышты кой* — четырехлетняя овца. *Тай* — жеребец-однолетка. После четырех лет обычно возраст определялся по количеству коренных зубов. Например, *бир кырккан* — четырехлетний верблюд (один коренной зуб), *эки кырккан* — пятилетний и так далее до семи лет,

когда верблюд называется *буура*. *Бир асый* — пятилетняя лошадь, *эки асый* — шестилетняя.

Занимались киргизы и земледелием. В Иссык-Кульской котловине, а особенно, в Ферганской долине выращивали пшеницу, просо и ячмень. Наиболее древним злаком является просо. Земледелие было поливным. Применялись древние системы орошения, приспособленные к высокогорью. Оросительные каналы — *арыки* проводили нередко на большой высоте, иногда в скалистом ложе. Мастера, способные правильно рассчитать трассу канала, высоко ценились среди народа. Обычно в прокладке арыка участвовало несколько родов, так как его протяженность была значительна. Воду брали высоко в горах и гнали через ущелья и *саи*

(неглубокие ущелья) на несколько десятков километров, используя потенциальную энергию потока.

Охота с древнейших времен также была одним из основных занятий киргизов. В преданиях и эпосах сохранились воспоминания о тех временах, когда целые аилы питались исключительно за счет охоты. Например, в эпосе «Коджоджаш» повествуется о знаменитом охотнике, который кормил свой род, охотясь на диких животных.

Для ходьбы по горам и лазания по скалам охотники пользовались особыми приспособлениями из конских копыт (*тай туяк*) и железными «кошками» (*темир чокой*), которые ремешками привязывали к подошвам обуви. Применяли киргизские охотники и «снегоступы», сплетенные

из прутьев и скрепленные ремешками (*джапкак*).

С давних времен киргизы использовали для охоты ловчих птиц: орлов, соколов и ястребов, дрессировка которых была доведена до совершенства. В кочевых империях древности соколиная охота имела государственное значение. В Средневековье охота была грандиозна по масштабу и являлась символом ханской власти. Ею мог заниматься только верховный правитель, который держал для этого специальных людей-сокольников (*кушбеги*). Сокол был не только ловчей птицей, но и тотемом, предметом культа. По поверью, в него вселилась душа лучшего воина империи. Священный белый сокол (*ак-шумкар*) — неизменный спутник эпического героя Манаса.

Сама охота, в которой участвовали иногда десятки тысяч воинов с ловчими птицами на руках, возглавляемые верховным правителем, чья личная соколиная стая насчитывала сотни птиц, более походила на военные маневры и вырабатывала умение управлять отрядами воинов, обеспечивать их взаимодействие.

Уже в начале XIX в. соколиная охота утратила былое значение у кочевников и ею занималось все население. Культ белого кречета упал, и стали почитаться ловчий беркут и ястреб-тетеревятник, как символы домашнего очага и быта. Хорошие беркуты брали даже волков и косуль.

Киргизские охотники вывели также особый, горный тип борзой собаки — тайганов, которые использовались для облав на зверей.

У киргизов существовал обряд посвящения в охотники. Применялись заговоры на различного зверя и дичь.

Когда охотник метился в добычу, он просил помощи у пророка *Ибрагима* (Авраам). По преданию, он был первым охотником на земле и

забирал с собой души убитых животных. Обращались охотники за поддержкой и к *Дауду пайгамбару* (пророк Давид), который, как считали кочевники, был покровителем ремесел и изготовил первое ружье. У ловчих птиц и тайганов был свой покровитель — *Чегир баян*.

Часто устраивались коллективные облавные охоты. Тушу убитого зверя распределяли согласно установленному порядку. Охотник, убивший зверя, получал голову, шею, грудинку с ребрами и шкуру. Остальное распределялось поровну между другими участниками охоты.

Существовал обычай наделять мясом, добытым во время охоты, любого встреченного человека, если тот произносил: «*Шыралга*», что означало долю из добычи. Причем, если обращающийся был старше охотников по возрасту, то отдавали ему мясо из лучшей части туши убитого животного. Бывали случаи, когда охотники раздавали таким образом все добытое на охоте мясо. Если к охотнику и после этого кто-то подходил с просьбой о дележе, то он отвечал: «*Болсун*», то есть, обещал дать мясо в следующий раз. Считалось позорным отказать просящему, поэтому нередко охотники старались вер-

нуться домой тайком. Этот обычай связан с традицией жертвоприношения. Охотник за удачную охоту должен был принести жертву, которая заключалась не только в том, чтобы отдать часть добычи Богу через просящего, но и показать готовность лишиться этой части, вплоть до полной раздачи добытого. В противном случае охотник мог лишиться покровительства божества и удачи в охоте.

Возвратившись в аил, охотники варили мясо и угощали всех односельчан. Если охотник охотился в одиночку, то он раздавал соседям часть сырого мяса. Этот обычай ярко описан в эпосе «*Коджоджаш*». Когда знаменитый охотник возвращался в аил, во всех юртах зажигались очаги. Все бежали навстречу Коджоджашу, чтобы похвалить его меткость и получить свою долю из добычи. Всех наделял охотник. Все варили мясо, хваля меткого *мергенчи* (охотника):

Ой, спасибо, Коджоджаи,
Век живи, кормилец наш.
Ты единственный стрелок,
Наш охотник, Коджоджаи.
Сытно мы теперь живем,
Нам полезен Коджоджаи.

На охоте, если был убит горный козел или архар, тут же разжигался костер и готовилось излюбленное блюдо — *майлуу боор* (шашлык из печени и внутреннего жира). Считалось, что печень имеет магические свойства. А палочки для этого шашлыка обязательно должны были быть деревянными.

Приступая к трапезе, охотник произносил: «*Джолун болсун*». Это должно было принести ему удачу в будущем.

Охотники пили сырую желчь, веря, что она сделает их более сильными и выносливыми. Желчь применялась и в народной медицине — от болей в пояснице.

Если охота длилась несколько

дней и у охотников не было металлической посуды для варки мяса, существовал древний способ приготовления пищи. Брали желудок животного — *карын*, наливали туда воду и клали мясо. Затем этот «сосуд» укрепляли на палках над землей. На костре раскаляли

небольшие камни и опускали их по одному внутрь этого импровизированного сосуда. Остывший камень вынимали и вместо него помещали раскаленный. Вскоре вода закипала и мясо варилось. Этот способ назывался *таш боркок*, *таш казан* или *таш кордо*.

АРХИВ

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Киргизский год состоял из 360 дней или 48 недель. В месяце было 29-30 дней. Месяц всегда начинался с появления молодой луны. Темные дни, когда луны не было видно, не считались. Полнолуние приходилось всегда на 15 число. Число определяли по фазам луны, не считаясь с реальным количеством дней. Например, после 3 *айак оона* (24 июля 1925 года) сразу шло 5 *айак оона* (25 июля), а не 4, потому что сменилась фаза луны.

В названиях месяцев киргизского года отразились два древних народных календаря. Один — тесно связанный с охотничьим бытом, поскольку охота была для кочевника жизненно необходимой деятельностью, помимо скотоводства. Другой — основанный на наблюдениях за движением планет и созвездий.

Семь месяцев в году носят названия диких животных, на которых охотились древние киргизы: *джалган куран* (февраль) — месяц ложного самца косули или джейрана, т.е. не наступил еще сезон течки у косуль. *Чын куран* (март) — правильный, сезон течки в разгаре. *Бугу* (апрель) — у оленей появляются детеныши. *Кулджа* (май) — появляется потомство у горных архаров. *Теке* (июнь) — пополнение в стадах диких козлов. *Баш оона* (июль) — начинается гон у молодых самок теке — горных козлов. *Аяк оона* (август) — заканчивается гон у теке.

Древние киргизы определяли месяцы, дни и время суток по положению звезд, планет и луны. Месяцы *тогуздун айы*, *джети-*

нин айы, *бештин айы*, *ючтун айы* и *бирдин айы* (сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и январь соответственно) носят названия по тем числам, когда созвездие Плеяд и Луна противостоят эти месяцы друг другу: 19 сентября, 17 октября, 15 ноября, 13 декабря и 11 января.

Новый год — *Ноорус* начинался весной, в день равноденствия. В какой бы день и месяц ребенок ни рождался, его днем рождения считался Новый год. Праздновали день рождения не каждый год, а через 12-летний цикл — *мючёл*. В этот день варили специальную кашу из ячменя. Прыгали через костер из арчи, что очищало от всех грехов и болезней. Именинник разбивал ногами свою старую деревянную посуду, что также избавляло от грехов. В этот год он должен был вести себя осмотрительно и заботиться о своем здоровье, так как считалось, что именно в один из таких годов человек уходит из жизни.

Названия годов двенадцатилетнего цикла связаны с животными, как и у других восточных народов: мышь (*чичкан*), корова (*уй*), тигр (*джолборс*), заяц (*койон*), рыба (*балык*), змея (*джылан*), лошадь (*джылкы*), овца (*кой*), обезьяна (*маймыл*),

курица (*тоок*), собака (*ит*), свинья (*донус*).

Существовали «несчастливые» дни недели. Так, во вторник и субботу не начинали никаких дел, в том числе и свадеб, не отправлялись в путь. Воскресенье и пятница считались неблагоприятными днями для путешествий.

Звезды для древних кочевников были живыми божествами и духами, способными принести удачу или несчастье в делах. Например, мужчинам нельзя было двигаться в направлении созвездия Скорпиона (*Уч тёбё*). Седьмого числа каждого месяца нельзя было держать путь на созвездие Большой Медведицы (*Джетиген*). Магической силой наделялись созвездия Весов (*Уч аркар* или *Тараза*), Плеяд (*Уркёр*); планеты Венера (*Чолпон*), Юпитер (*Эшек джылдыз*); звезды, такие как Полярная (*Кут джылдыз* или *Алтын казык* — Золотой кол), вокруг которой, как заметили древние кочевники, вращается небосвод, Сириус (*Сумбула* — Холодная вода) — при появлении этой звезды на небосводе наступали заморозки; Млечный Путь (*Кербен* или *Кой джол* — Караван или Овечий путь) и др.

Особые наблюдения киргизские кочевники вели за Плеядами. Об этом говорил еще Чокан Валиханов в середине XIX столетия: «По Плеядам киргизы узнают часы ночи и времена года».

Знатоками народного календаря, основанного на наблюдениях за движением планет и созвездий, были в прошлом звездочеты — *эсепчи*. Они предсказывали погоду на сезон, говорили, где будет много травы для скота, сколько выпадет снега и т.д.

**МАГИЯ И ВЕРОВАНИЯ
КИРГИЗОВ**

Каждый год киргизы устраивали праздник жертвоприношения богам земли и воды — *Джер-Суу тайы*. Обычно его проводили перед кочевкой, но также и в случае засухи или землетрясения. Аил собирался около воды, резали баранов — обязательно без изъяна, самых лучших. Устраивались различные игры и состязания. Читались молитвы.

Жертвоприношения (*тюлё*) были и во время эпидемий. Были и благодарственные жертвоприношения по поводу счастливого минования опасности. *Саадака* — жертвоприношение в случае болезни одного из членов семьи. Делал это жертвоприношение отец семейства. Он же читал молитвы за здоровье больного.

Если человек заболел или подвергался большой опасности, чтобы избавить его от преследования злых духов, совершали древний обряд *ёпкё чапты*. Родственники резали козленка, не снимая с него шкуры. Вынимали легкие и ими ударяли больного по голове и всему телу, после чего легкие выбрасывались собакам, а туша козленка отдавалась соседям. Члены семьи к мясу не должны были притрагиваться. Подобный обряд осуществлялся и для защиты молодых людей от злых духов. Суть обряда — в замещении жертвы. Козленок олицетворял избежавшего смерти человека. Наносилась кровь животного на людей, показывали, что те как бы уже принесены в жертву богам.

Делалось жертвоприношение и при постройке нового дома или установке юрты. Во всех случаях

жертвоприношения первая ложка бульона, приготовленного из мяса жертвенного животного, выплескивалась в очаг и дымоход для божества огня — *Умай-эне*. В дымоход бросалась и голова жертвенного барана. Все эти действия должны были привлечь к новому дому духов, которые бы взяли его под свою защиту.

Весной, при первом громе, женщины выбегали на улицу и, обходя юрту, ударяли половником в ведро — *кёнёк*. При этом они кричали: «Разверзись, земля — появись, трава! Разверзись, вымя — выйди молоко!» Это был обряд, знаменующий начало лета.

Летом, когда подрастали жеребята, проводился *юлюш* — праздник кумыса и кобылиц. Собиралось много народу, несколько родов и аилов. Резались жертвенные бараны или кобылы. Заготавливалось большое количество кумыса, которым угощали всех гостей без ограничения. Проводились скачки, игры. После угощения все молились за благополучие хозяев и кобылиц.

Ислам в среде киргизских кочевников не смог сильно укорениться. Это отмечал еще Чокан Влиханов: «Буруты (киргизы) называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухаммед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом... читать молитву».

В религиозные праздники киргизы внесли свои традиции — более древние, языческие. Так, с окончанием поста — *Орозо* у них был связан культ предков. В день *Орозо айта* поминали умерших. Жарили боорсоки и зажига-

ли сорок свечей, которые ставили вокруг зажженного очага в юрте. Читали молитву, в которой поминаясь умершие. Остатки свечей кидали в очаг. Пища посвящалась *арвакам* — духам предков.

В другой мусульманский праздник — *Курман айт* — приносились в жертву животные во здравие живых. Делали угощение для родственников, знакомых и соседей.

До проникновения в Центральную Азию ислама в среде кочевников были распространены различные религии. Иногда они сменяли друг друга, но часто сосуществовали. Это буддизм, следы которого можно найти по всему Кыргызстану, зороастризм, знаками которого испещрена святая гора Сулейман-Тоо в городе Оше, христианство, проникшее в Тянь-Шань вместе с сирийцами — несторианцами в IV-V вв., и манихейство.

Все эти религиозные системы, включая ислам, не смогли вытеснить у киргизов их более древние верования. К ним относятся культ животных и Природы, матери *Умай*, культ шаманов и предков, культ семьи и домашнего очага, культ верховного божества *Тенгри*, магия, демонология и многое другое, остатки чего можно разглядеть в народных традициях киргизов.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ИГРЫ

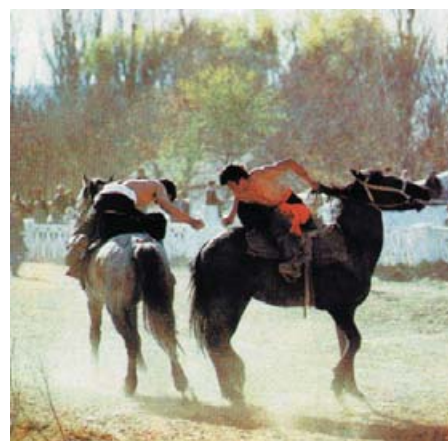

Постоянные миграции, составляющие основу кочевого образа жизни, наложили отпечаток на все стороны быта киргизов. Их домом была переносная юрта, их вселенной — степь и горы, по которым они кочевали, борясь за свое существование, за выживание в суровой среде обитания. В вечном движении был смысл жизни, как в извечном круговороте всего живого в Матери Природе.

Но в жизни кочевников была не только борьба за существование. Были и праздники, и развлечения. С большим удовольствием они участвовали в различных играх и состязаниях. Национальные игры тесно связаны с кочевым бытом киргизов. В них проверялись и оттачивались необходимые для жизни кочевника

умения и качества — сила, выносливость, меткость, ловкость, навыки верховой езды и т. п. В первую очередь — это скачки, борьба за тушу козла, о которых уже упоминалось в этой книге. Соревнованиями в ловкости и меткости были *тыйын* или *тенга энгииш* (поднятие монеты с земли на полном скаку), стрельба в *джамбы*. Проходили и «рыцарские» турниры — конная борьба на пиках (*сайыш*) и борьба силачей — *палванов* на руках — *кюрёш*.

Большое количество зрителей собирали акыны, которые устраивали песенные соревнования — *айтыш*. И, конечно же, все с замиранием сердца слушали *манасчи*, которые неустанно плели нескончаемую нить повествования о подвигах батыра Манаса и его друзьях, о подземных странствиях и приключениях Эр Тёштю-

Оодарыш

ка, о несчастной любви красавицы Кишимджан к своему племяннику Олджобаю, о хитром бедняке Кейденкане, занявшем ханский трон, и многих других.

Взрослые и дети любили играть в альчики — в *ордо*. Эта игра описана в эпосе «Манас». Она заключается в том, чтобы выбить из круга все альчики, один другим. Альчики также использовались при гаданиях и предсказании будущего. Например, во время сражения предводитель кидал альчик на землю, сидя на лошади. Если выпадал *айкюр* (вогнутый бок косточки), то это сулило победу. Если противоположный бок *таа* — поражение. Косточка ложилась сверху толстой стороной *бёкё* — будет заключен мир в пользу гадающего. Противоположный бок — *чике* сулил мир в пользу врагов. А если альчик становился на «голову» *онгко*, что бывает крайне редко, — это

Айтыш

Тогуз-коргоол

означало вечное рабство. Производилось гадание и по бараньей лопатке.

Любили киргизы играть в *тогуз-коргоол* (игра на доске с 18 лузами). В игре принимали участие два игрока. У каждого было по девять луз и по девять бобов или камешков в каждой лузе. Играли по очереди, раскладывая по одному бобу в правые соседние лузы.

Ни один праздник не обошелся без качелей — *селькинчек*. Устанавливались связанные жерди и между ними натягивались соединенные между собой две пары веревок — арканов. Раскачива-

Селькинчек

лись попарно, каждый становясь на один аркан и держась за второй. Между веревками могла прокладываться доска, тогда катались, стоя на ней.

Кроме праздников, мусульманских и обрядовых, связанных с кочевкой, женитьбой, поминками и другими событиями, существовали как бы клубные собрания — *шерне*. Эти вечеринки устраивались членами определенного общества (20—30 человек), это могли быть аксакалы, отдельно молодежь или женщины. Обычно шерне проходили в летнее время по очереди у каждого участника, который должен был обеспечить всю компанию мясом барана и кумысом. Во время вечеринок вели разговоры, пели песни. Богатые люди устраивали кёк бёрю — козлодрание. На таких собраниях обязательно выбирали старшего управителя — *бия шерне*, который следил за порядком. Хорошие манеры поведения, выполнение принятых правил были обязательны, виновные наказывались.

Зимой также устраивались сборища — *джоро*, но вместо кумыса пили пьянящий напиток — бозо, приготовляемый из протертого ячменя.

Детские игры были подвижными, в них ценилась ловкость и сила. Например, в игре *аламан байга* (конный набег) мальчики разбивались по парам и делились на два противоборствующих лагеря. Один из пары изображал из себя лошадь, другой — всадника, устроившись верхом на спине первого. Два лагеря сшибались в схватке. Всадники в борьбе на руках должны были свалить противника и сами при этом удержаться на «лошади».

Шерне

Если собиралось вместе 10—15 мальчиков, то они могли затеять игру в шапки — *тебетей тепме*. Ребята клали в ряд свои шапки и отходили в сторону. По команде ведущего выстроившиеся в ряд хозяева головных уборов бросались к шапкам и пинали каждый свою. Делать это надо было быстро, на бегу. В случае замешки или промаха все начинали пинать шапку неудачника. Промахнувшийся мальчик в свою очередь мог ударить рукой любого, но только в момент, когда тот ударял его шапку ногой. Тогда игра продолжалась с шапкой попавшегося.

Дети играли также в жмурки — *кёз танмай*. Завязывали одному игроку глаза и ударяли его. Тот должен был поймать кого-нибудь, после чего роли менялись.

Интересна игра *ак чёльмёк*, в которой принимало участие большое количество детей. Участники делились на две команды, и каждая выбирала своего вождя. Вожди договаривались о числе выигрышей. Обычно эта игра проводилась в сумерках или в лунную ночь. Взяв большую белую кость, один из вождей кидал ее подальше в степь. Игроки бросались на ее поиски. Нашедший должен был принести кость сво-

ему вождю, который находился в своем «доме». По пути игрок подвергался нападению противников, которые гонялись за ним, пытаясь отнять добычу. Свои игроки защищали его, сражаясь с противником. В случае нужды игрок мог передать кость одному из товарищей по команде. Вождь, получив добытую кость, вновь бросал ее в степь, игра продолжалась.

Проигравшие становились внутри круга, образованного связанным арканом. Победители лупили их шапками, платками или жгутами. Игроки внутри круга старались увернуться от ударов и поймать кого-либо из бьющих. В случае удачи противники менялись местами.

Следует подчеркнуть, что кочевая жизнь патриархальной семьи, насчитывающей до 50 членов, тесные родовые связи между семьями определяли совместное их проживание, труд и развлечения. Любые события и праздники проходили при большом стечении народа. Такие мероприятия осуществлялись по заранее спланированному сценарию. Каждое состязание и игра предварительно обговаривались собранием уважаемых стариков-аксакалов. Игры детей также носили массовый характер.

Кыз куумай — догони девушку

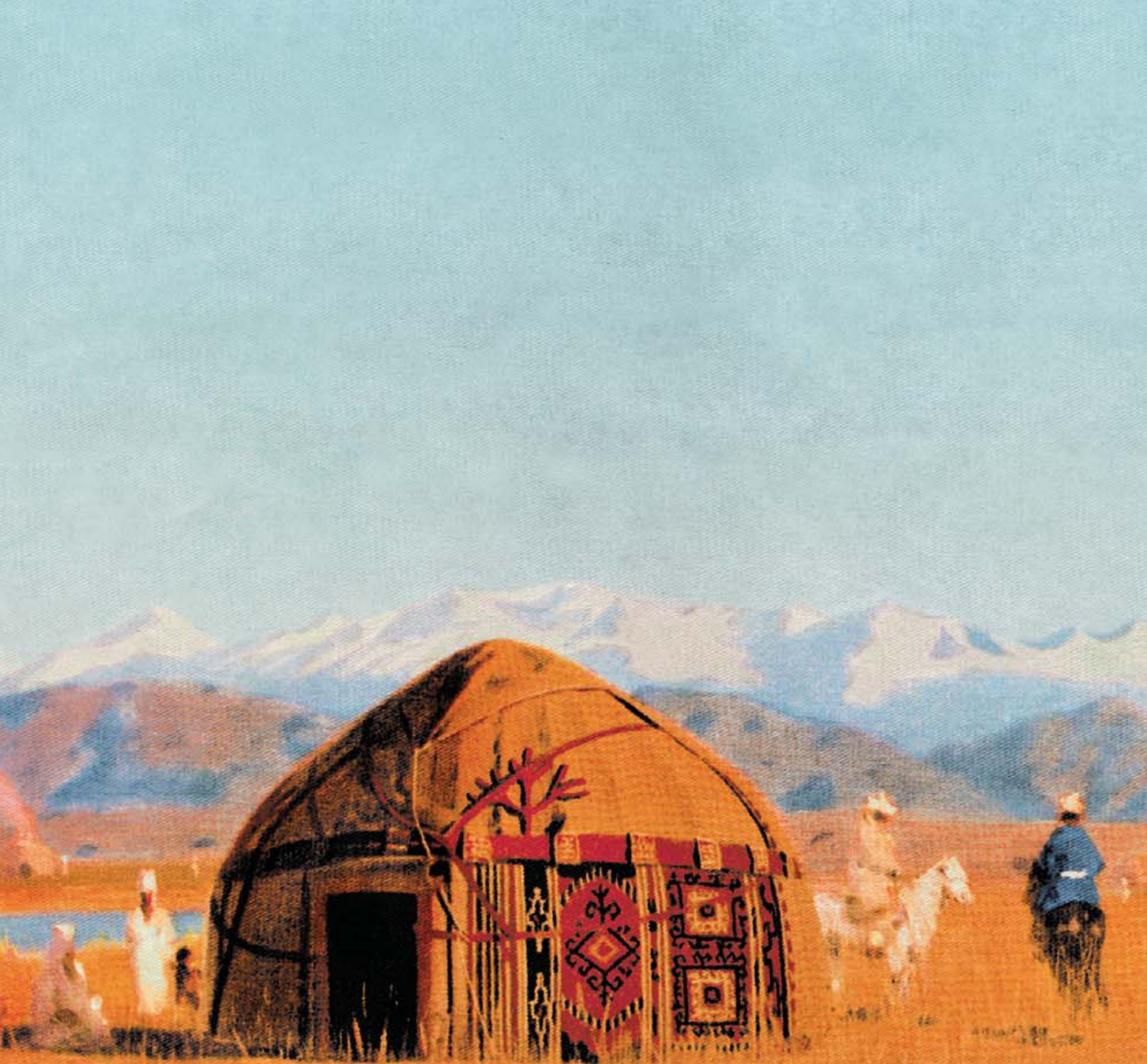

Перетягивание каната

АРХИВ

Дюмпюльдёк (волки и овцы) — играют две партии. Одна партия лежит на земле, накрывшись шубами, халатами, один из лежащих держит конец длинного аркана. Из этой партии один человек не лежит, а является защитником лежащих и держит аркан за другой конец. Вторая партия бьет лежащих чем попало (тюбетейками, платками, но не палками или чем-нибудь твердым). Защитник ловит бьющих (играют вне юрты), бегая за ними, не выпуская в то же время аркана из рук. Если он кого-нибудь поймает, партии меняются местами.

ЮРТА

Как и все кочевники, киргизы разработали и жили в переносном жилище — юрте, которую легко можно было разобрать и перевозить на выючных животных: яках, верблюдах и лошадях.

Основу юрты составляет деревянный остов, собираемый из нескольких частей: складных решетчатых стенок — *кереге*, укрепленного над ними купола, состоящего из деревянных жердей — *уук* и обода — *тюдюк*, и дверной рамы — *босого*. Отверстиеверху, образованное тюндюком, служит для выхода дыма от очага и для освещения. На ночь или в ненастную погоду отверстие закрывается куском войлока. Вокруг стенок устанавливается циновка из чия, а затем весь остов покрывается кусками войлока. На входной проем навешивается двухстворчатая дверь или он закрывается циновкой из чия, обшитой войлоком. У древних киргизов юрта ставилась дверью на восток, что было связано с культом солнца. У современных киргизов этот обычай сохранился только в Тонском районе и на Памире. Сейчас вход в юрту обычно ориентирован согласно местности (по отношению к горам, реке) или зависит от направления господствующего ветра (не против него).

Центральная часть юрты — очаг, называемый *коломто*. За ним у задней стенки складывают сундуки, постельные принадлежности, ковры, одеяла, меховую и другую верхнюю одежду. Это место называется *джюк*. Пространство от *джюка* до *коломто* носит название *тёр* и считается самым

почетным. Здесь сидит во время трапезы хозяин или уважаемый гость.

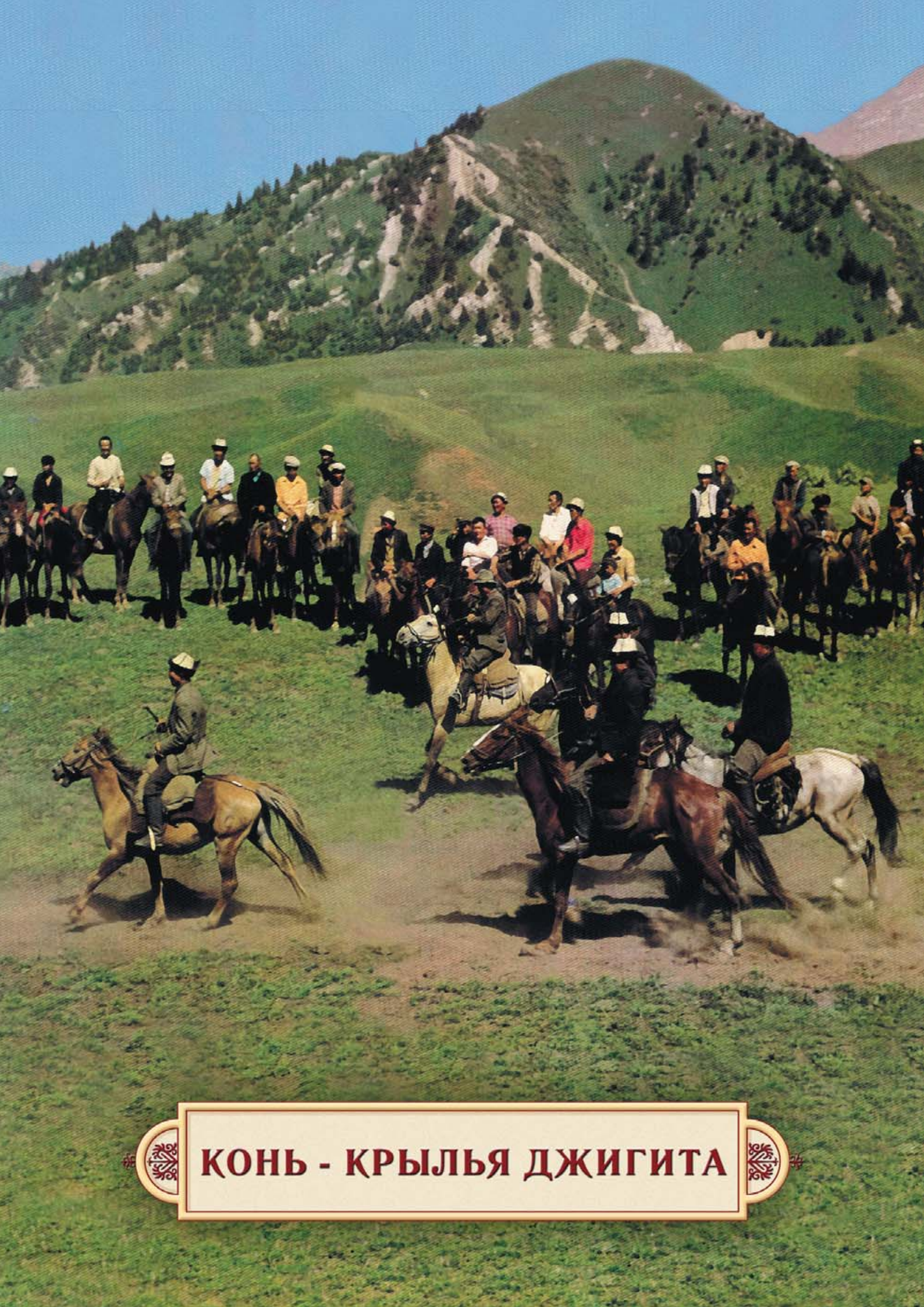
По правую сторону от входа — женская половина — *эпчи джак* (*эпчи* — женщина по древнетюркски). Здесь хранятся запасы продуктов, посуда, хозяйственная утварь. Все это обычно скрыто от посторонних взоров узорной ширмой из чия — *ашкана чий*. Противоположная сторона юрты — мужская — *эр джак*. Тут можно увидеть седло, оружие, сбрую, шкуры диких животных, орудия скотоводов. Во времена кочевников здесь же держали новорожденных ягнят и козлят.

Внутри юрты, на земляном полу расстилается войлок, а поверх него кладутся овечьи шкуры, узкие одеяла — *тёшёк*. На почетном месте лежит узорный ковер из войлока — *шырдак* или *алакийиз*. Стены юрты украшает вышитый ковер — *тушкийиз*. Внутреннее убранство дополняют узорные ленты, скрепляющие кереге, расшитые подвесные полки, тканые переметные сумки — *курджуны*, украшенные затейливой резьбой деревянные сундуки.

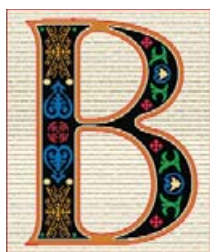
Издавна все предметы, использовавшиеся в быту кочевников кроме прямого назначения выполняли и эстетические функции. Они были изящно украшены национальным орнаментом, изделия из кожи были расшиты или теснены декоративными узорами. Сбруя, седло и другие вещи обязательно отделывались серебряными или посеребренными деталями, с применением черни и эмалей. Все узоры были отражением окружающего кочевника мира. Каждый узор имел свой смысл и служил охранным символом дома и его обитателей.

Юрта была для кочевника не только жилищем, но и символом жизни. В космогонических представлениях юрта играла роль модели мира, была его маленькой копией. Изображение тюндюка было не только символом юрты, но и символом солнца. Через открытый тюндюк кочевник видел звездное небо, общался с духами предков и с небесными богами. Не случайно тюндюк стал символом суверенного Кыргызстана, заняв свое место на флаге независимой республики.

КОНЬ - КРЫЛЯ ДЖИГИТА

жизни кочевника конь всегда занимал особое место — передвигаясь по огромным пространствам, кочевник не мыслил себя без лошади. В случае опасности он спешил к коню, чтобы достойно встретить противника. Киргизы никогда не использовали коней для перевозки домашнего скарба и утвари. Для этого были верблюды, яки и быки.

Богатство человека определялось размерами его табунов. Лошади были обязательной частью калыма — выкупа за невесту.

Коня считали священным животным. Даже его запаха, по поверью, боялись злые духи. Когда случались трудные роды, коня подводили к роженице, чтобы он обнюхал ее. Тяжелобольному человеку возлагали на грудь ногу коня. В детские амулеты прятали конский волос. Все это должно было отвести чары нечистой силы.

Коня почитали и любили. Клички коней были звучными, например: Карагым — «Зрачок моих очей» или Шырагым — «Светоч ясный». О любимом ребенке кочевники говорили: «Жеребенок мой».

Кобылье мясо и молоко считались целебными. «Если киргиз хоть раз в год не поест мяса лошади и не попьет кумыса, его рассудок помутится» — твердо верили кочевники. Считалось, что купание в молоке белой кобылицы возвращает молодость. Шаманы говорили, что кумыс снимает сорок болезней.

Белые лошади были символами Неба и его верховного владыки Тенгри. Их нельзя было про-

давать, так как они были бесценны. Их окружали особым почетом и заботой. На них въезжали в селения победители. Весть о поражении в битве приносил всадник на черном коне.

Белая масть никогда не называлась словом *ак* — «белый». Белую лошадь называли или *кёк ат* — «синяя лошадь», или *кызыл ат* — «красная лошадь». Синий цвет олицетворял небо, красный — солнце. Когда гремел гром, кочевники говорили: «Это ржет синий жеребец». Считалось, что солнце путешествует по небу на белом скакуне.

Существовало много поверий и примет, связанных с лошадей. По ее поведению предсказывали погоду, успех или трудности предстоящего пути, благополучие в жизни. Нельзя было кричать на лошадь, бить ее по голове. Запрещалось разделять голову лошади. Череп ее надевали на кол для устрашения злых духов. С этой же целью пучок из конского хвоста укрепляли на ше-

сте, устанавливаемом на могиле усопшего. Отслужившую подкову выбрасывали где-нибудь в степи. Путник, подобравший такую подкову, прикладывал ее ко лбу и со словами: «Теперь мне повезет» уносил к себе домой, где прибывал найденную драгоценность на косяк двери.

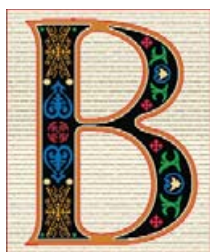
Кочевники с трепетом ожидали появления первенца от любимой лошади. Принимали жеребенка на расстеленный ковер и вешали ему на шею тумар со свитком, исписанным сурами Корана.

Богатые люди украшали своих коней вышитыми попонами, упряжью, отделанной серебряными пластинками и драгоценными камнями, на ноги надевали серебряные и золотые браслеты. Не каждая женщина могла похвастать столь дорогими украшениями. Недаром древняя поговорка гласит: «Кочевник любит свою лошадь больше, чем возлюбленную». Эта любовь и почитание коня воспитывались в семье кочевника с младенчества.

ОДЕЖДА

киргизском фольклоре и в исторических хрониках Древнего Китая встречается такое название киргизов, как «белоколпачный народ». В XIX веке академик В. В. Радлов писал: «Специфически киргизскими видами одежды являются верхняя войлочная одежда с рукавами *кементай*, белые войлочные сапоги из козьего пуха, а также белые войлочные шапки, которые редко встречаются у казахов и благодаря которым племени присвоено наименование Ак-калпак». Действительно, белый *калпак* стал символом киргизского народа.

Вся одежда киргизов была приспособлена к кочевому быту. В ней было удобно ехать верхом на лошади, ее легко можно было производить в натуральном хозяйстве патриархальной семьи. Особое место занимала теплая одежда, так как суровый климат высокогорья заставлял киргизов носить ее и летом.

Для изготовления одежды использовалась грубая шерстяная материя, которая ткалась в семье на деревянном станке. Также использовался войлок, шкуры и кожа домашних и диких животных.

Дорогую одежду шили из тканей, привезенных из Кашгара или Ферганы.

Покрой верхней мужской и женской одежды мало чем различался. В основном это был кафтан — *чапан* со стоячим воротником и пестрыми шнурами с пуговицами.

АРХИВ

Замужние женщины надевали распашную юбку — *бельдемчи*, полы которой сходились впереди. Юбка оторачивалась мехом и украшалась богатой вышивкой — *саймой*. Вышивкой декорировалась и длинная женская рубаха.

И мужчины и женщины носили сапоги с длинными голенищами, узкими, слегка загнутыми носками, на высоком деревянном каблуке, со вшитыми из цветной кожи кантами. Мужчины надевали кожаные или замшевые штаны (*чалбар*, *кандагай*), расшитые цветными нитками.

Важную роль в костюме замужних женщин играл головной убор, по которому можно было определить племенную принадлежность.

Головной убор состоял из небольшой шапочки (*кеп такыя* или *чач кеп*) с полосой, спускавшейся на спину, и повязанного поверх нее тюрбана (*элечек*). Для тюрбана использовалась тонкая белая ткань.

Девушки носили меховые шапочки, называемые *тебетей*, мужчины — тюбетейки *топу*, меховые шапки — *тебетей* и *малахай*, *капка*.

И мужчины и женщины в качестве верхней одежды использовали халаты — *чепкены*, зимой надевали овчинные шубы — *тон*. Мужчины побогаче надевали широкие кожаные пояса (*кемер*), украшенные серебряными деталями.

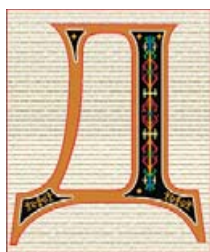
Кемер

Тип одежды киргизов и ее покрой имеют общие черты с одеждой других народов Центральной Азии. Археологические находки говорят, что одежда киргизов сохранила в течение не менее двух тысячелетий характерные для кочевников формы. Для этого достаточно взглянуть на древнетюркские каменные изваяния. Кожаные пояса, сумки, одеяния киргизов иногда до деталей повторяют древние формы каменных *балбалов*.

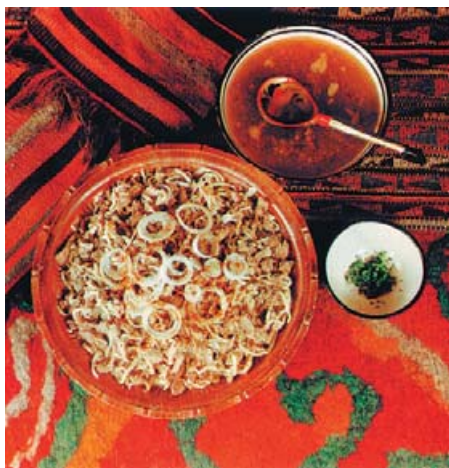
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ

Древние киргизы были кочевниками скотоводами, поэтому основу их пищи составляли мясные и молочные продукты. С древнейших времен кочевники выращивали просо и ячмень. Эти продукты тоже входили в рацион киргизов.

Кочевники употребляли в пищу разные виды мяса: конину (она особенно ценилась), баранину, говядину, ячье мясо, а также мясо диких животных и птиц: горных козлов, архаров, косуль, уларов, кекликов, гусей и др.

Наиболее распространено было употребление баранины. Из нее варили бульон — *шорпо*, который пили перед или после еды. Вареное мясо мелко крошили и заливали бульоном с нарезанным луком — это блюдо называлось *туураган* или *нарын*. В XX в. его стали называть *бешбармак* (пятерня). Сейчас в бешбармак

Бешбармак

добавляют лапшу. *Кюльчатай* готовили из вареного, крупно нарезанного мяса, смешанного с кусочками тонко раскатанного теста. Жаренное без всяких приправ мясо называлось *куурдак*.

Лакомством считалось легкое овцы, наполненное молоком и маслом и сваренное в воде (*куйган ёпкё* или *олово*), а также конская колбаса из мяса и жира (*чучук*). На праздниках готовили колбасу из печени и крови (*быжы*), в которую добавляли сало, лук, перец, а иногда и рис.

Чучук

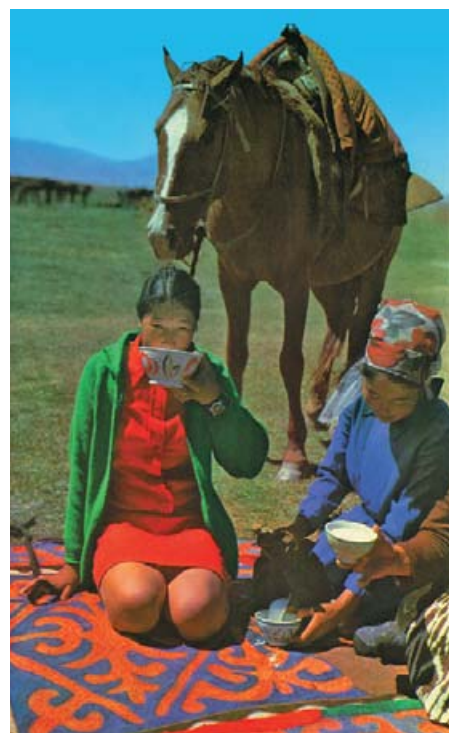
Любили киргизы и блюда, приготовленные из кишок, перевитых нарезанными полосками легких, желудка и сердца (*джёргём*); блюда из прямой кишки лошади (*карта*). При забивании животного обязательно готовилось *кёрчёё* — зажаренная овечья грудина с жиром и шерстью.

Джёргём

Интересен древний способ приготовления цельного выпотрошенного барана. Внутри туши клали *курдюк* — жировые отложения на задней части барана — и зашивали. Затем в яме глубиной 50-60 см разводили огонь. Когда углей накопилось достаточное количество, туда помещали тушу барана, не снимая шкуры. Яму закапывали землей. Для выхода пара в середину туши (в область пуповины) вставлялась камышовая трубочка. Тушу вынимали из ямы на следующий день и очищали нагар. Внутри сохранялся весь жир и сок. Иногда в тушу добавляли рис.

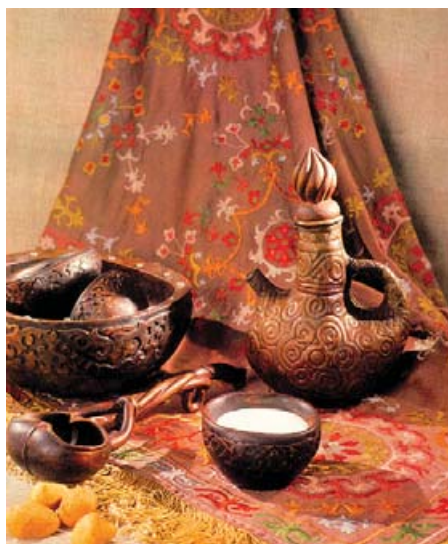
Животных забивали в основном осенью, и, чтобы сохранить мясо на зимний период, его сушили, вялили или коптили.

Кумыс

Излюбленная пища кочевника — *айран*, приготовлявшийся из овечьего молока. *Кумыс* (*кымыз*) — перебродившее кобылье молоко — был праздничным напитком. Из него, путем перегонки, получали молочную водку.

Из молока приготавливали сыр — *курут*, заготовлявшийся на зиму и применявшийся в сухом виде или разведенным в теплой воде; творог — *сюзмё*, засушенный в виде небольших лепешек (*быштак*); особый вид сыра из овечьего молока — *эджигей*; топленое масло — *сары май*; сливки, снятые с кипяченого молока — *каймак* и др.

Каймак

Из пшеницы делали кашу — *ботко* и жидкий суп — *кёжё*, заправленный молоком или айраном. Из поджаренного и измельченного ячменя готовили *талкан* — толокно с добавлением молока, айрана или воды.

Из толокна делали напитки — *максым* и *джарму*, полученные путем брожения. Летом в качестве напитка применяли *чалап* — *сюзмё*, разбавленное водой.

Из проса, ячменя или кукурузы киргизы делали *бозо* — род пива, из которого можно было дистиллировать водку.

Из муки киргизы приготавливали лепешки, которые пекли в котлах — *кёмкёрмё топоч*, на сковородах — *кёмёттён*, а на юге — в специальной хлебной печи, называемой *тандыр*.

Ни один праздник не обходился без *боорсоков* — жаренных в котле на бараньем сале кусочков теста. Также делались слоенные лепешки — *каттама*, испеченные на масле, оладьи — *куймак*, жаренные лепешки — *май топоч* и др.

В чай киргизы обязательно добавляли молоко, соль, жаренную на масле муку или талкан. Он назывался *куурма чай*. Любили кочевники и *ак чай* или калмыцкий чай: он кипятился в котле с добавлением молока, сала, соли и перца. На юге Кыргызстана был очень популярен зеленый чай — *кёк чай*.

В конце XIX века северные киргизы кипятили воду для чая в самоварах, которые появились здесь, южане пользовались ме-

таллическими сосудами *кумганами*. Северные киргизы пили чай каждый из своей *пиалы*, южане — поочередно из одной-двух, передаваемых по кругу.

Кумган

Боорсоки

Пиала — особый вид сосуда для питья. Вследствие большой охлаждающей поверхности чая в пиале, его наливали небольшими порциями. Причем, чем более уважаемым был гость, тем меньше наливалось чая, чтобы хозяйка могла показать свое внимание к нему, постоянно подливая новую порцию горячего чая.

Киргизы переняли способы приготовления некоторых блюд у соседних народов. Это, например, такие блюда уйгурской и дунганской кухни, как *манты*, готовящиеся на пару в специальной кастрюле (*каскан*), небольшие пельмени — *чючвара*, *лагман* — лапша, залитая соусом из овощей с мясом, *ашлям-фу* — лапша, заправленная кислым соусом с кусочками крахмала, *шашлык* и др.

У узбеков киргизы переняли *плов*, который распространился по всему Кыргызстану как праздничное блюдо.

АРХИВ

Ступа для измельчения зерна, из которого приготавливали талкан, максым или джарму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге мы приоткрыли завесу над истоками народных традиций и обычаев киргизов, уходящих в глубь веков. Вся жизнь киргизов — материальная, хозяйственная, общественная и культурная — была связана с кочевым укладом. На всем лежала печать вечного движения, миграции. Конь был крыльями кочевника, верблюды, быки и яки — везли жилище и скарб семьи скотовода.

Киргизы — неутомимые наездники, способные в течение долгого времени не сходить с седла, преодолевать тяжелые перевалы, стремительные горные реки. Их Вселенная — это земля, по которой они кочуют, и небо, населенное божествами и духами предков. Их сила — в незыблемости традиций, передаваемых из поколения в поколение.

Однако времена меняются, меняется образ жизни, и уходят в небытие обычаи, существовавшие тысячи лет. Это — закон развития жизни и цивилизации. Но часть обрядов остается, живет среди народа.

